

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«ЮЖНО-УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНО-
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(ФГБОУ ВО «ЮУрГГПУ»)

ФАКУЛЬТЕТ ИСТОРИЧЕСКИЙ
КАФЕДРА ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

Отражение в самурайских эпосах (гунках) образа жизни и
идеологии японского самурайства XI-XIV веков

Выпускная квалификационная работа
по направлению 44.04.01. Педагогическое образование
Направленность программы магистратуры
«Современное социально-историческое образование»

Проверка на объем
заимствований:

90,77 % авторского текста

Работа рецензирована к защите

«8» июня 2023 г.

зав. кафедрой всеобщей истории
Лазарев С.А.

Выполнил:

Студент группы
ОФ – 205-269-2-1
Карасёв
Александрович

Аристарх

Научный руководитель:

к.и.н. доцент кафедры
всеобщей истории
Горшков С.М.

Челябинск
2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава 1 Возникновение самурайства, как социального слоя японского общества в XI-XIV веках	9
1.1. Самурайство, как социальное сословие в Японии.....	9
1.2. Идейные доктрины, определявшие идеологию самураев	14
1.2.1. Синтоизм	14
1.2.2. Буддизм.....	18
1.2.3. Конфуцианство.....	22
Глава 2. Отражение в «Повести о братьях Сога» особенностей идеологии японских самураев	26
2.1. Сюжет «Повести о братьях Сога».....	26
2.2. Отражение в «Повести о братьях Сога» отношения самураев к мировоззренческим проблемам.....	30
2.2.1 Отношение к жизни... ..	30
2.2.2. Отношение к смерти... ..	32
2.2.3. Отношение к чести... ..	33
2.2.4. Отношение к мести... ..	36
2.3. Отражение в «Повести о братьях Сога» отношения самураев к социальным связям.....	37
2.3.1 Отношение к господину... ..	37
2.3.2. Отношение к родителям.....	39
Глава 3. Отражение в «Сказании о Ёсицунэ» особенностей идеологии японских самураев.....	47
3.1. Сюжет «Сказания о Ёсицунэ».....	47
3.2. Отражение в «Сказании о Ёсицунэ» отношения самураев к мировоззренческим проблемам.....	51
3.2.1. Отношение к чести и долгу.....	51
3.2.2. Отношение к смерти... ..	55

3.3. Отражение в «Сказании о Ёсицунэ» отношения самураев к социальным связям.....	57
3.3.1. Отношение к господину.....	57
3.3.2. Отношение к семье.....	61
Заключение.....	66
Список использованных источников и литературы.....	69

Введение

Изучение сознания людей прошлого как в аспекте становления, с выявлением всех факторов, влиявших на этот процесс, так и в аспекте бытования, определявшего поведение людей, всегда будет актуальной научной задачей. Особенно важной эта задача становится тогда, когда речь идёт о социальном слое, игравшем ключевую роль в жизни общества или целой цивилизации. Это утверждение в полной мере применимо к японскому самурайству, являвшемуся на протяжении многих веков важнейшей фигурой японского социума.

Для того, чтобы увидеть особенности идеологии, определявшие образ жизни самураев, следует обратиться к жанру самурайского эпоса (гункам). Гунки появляются в японской литературе в XII-XIII вв. Самурайское сословие к этому времени уже завершило своё формирование, что нашло в них своё отражение. Вследствие того, что повести о самураях были созданы выходцами из других сословий, и распространялись ими в основном устным способом, при помощи их анализа можно также оценить восприятие облика самурайства японским средневековым обществом и проследить эволюцию этого образа с течением времени.

Особенность жанра военных повестей гунки-моногатари в своей работе отмечает В.Н.Горегляд: «Это был нечастый для классической литературы Японии случай прямой сюжетной связи художественной литературы с социально-политическими коллизиями» [18, с.204]. Одними из самых известных героев данного литературного жанра являются полководец Минамото-но Ёсицунэ, предательство брата и трагическая гибель которого на пике своей славы обеспечила ему огромную популярность, и братья Дзюро и Горо Сога, повестью о мести за своего отца и трагическим финалом также завоевавшие себе популярность у аудитории.

Постепенно жанр претерпевает изменения. Появляются довольно персонифицированные произведения, рассказывающие нам о судьбах отдельно взятых людей, что в своей работе отмечает В.Н.Горегляд: «Воинские

повествования в средневековой Японии посвящались не только противостоянию крупных феодальных кланов и сословий, но и судьбам отдельных личностей. Появилась особая разновидность гунки - «повести о героях» [18, с.246]. Из этого можно сделать вывод, что жанр гунки с течением времени постепенно начинает эволюционировать, в них больше начинает делаться акцент на личность героя произведения, что особенно заметно в рассматриваемых в работе произведениях – «Сказание о Ёсицунэ» и «Повесть о братьях Сога». Такую особенность в изменении литературы подмечал и Н.И.Конрад: «Такие произведения, как «Хэйкэ-моногатари», «Гэмпэй-сэйсуйки», относящиеся к XIII в., еще целиком связаны с фактической историей того времени, с историей борьбы двух лагерей японского феодального дворянства, один из которых возглавлялся родом Минамото, другой — родом Тайра. В указанных эпосах видны и борьба, и участники этой борьбы, прекрасно отражены их нравы, их идеалы. Позднее эти эпосы изменяют свой характер: на смену эпосу придет, в сущности, роман. Такова эпопея об Ёсицунэ «Гикэйки» — настоящий авантурный рыцарский роман, столь хорошо знакомый нам по западным образцам. Появляется под именем эпопеи и род повести. Такова повесть о двух братьях «Сога-моногатари», являющаяся классической для Японии повестью о выполняемой мести» [31, с.14].

Рассматриваемые в работе произведения составлены гораздо позднее происходивших событий. Так, например, «Сога-моногатари», или же «Повесть о братьях Сога», относится к концу XIV века, а «Гикэйки», или же «Сказание о Ёсицунэ» - к середине XV в. Это может натолкнуть на предположение, что реальный образ героев может с течением времени измениться, а то и вовсе быть нарочно приукрашен. Связано это не только с тем, что происходившие события произошли задолго до оформления самих повестей, но и с устным способом передачи этих легенд, что отмечал Н.И.Конрад: «Когда-то были народные сказители, называвшиеся «катарибэ» — японские аэды. Они хранили в своей памяти древние мифы и старые сказания. Вероятно, они же сами и создавали или по крайней мере формировали ходившие сюжеты, они же рассказывали,

«рецитировали» свои сказания» [31, с.12]. Из этого можно сделать вывод, что с течением времени и некоторых приукрашиваний со стороны сказителей, первоначальный смысл истории мог быть несколько изменен для более сильной эмоциональной нагрузки произведения.

Нам был полезен труд Конфуция[5] «Лунь Юй», в связи с влиянием конфуцианства на формирование японского мировоззрения, в частности идеи сыновней почтительности и беспрекословного подчинения своему господину.

Считается, что краеугольным камнем мировоззрения самураев является Бусидо. Бусидо, как единый свод самурайской этики, сформировался в период сёгуната Токугава. Бусидо - это результат коллективного труда. В работе использовались два трактата, первый - это «Будосёсинсю», принадлежащий Дайдодзи Юдзану[1], в котором собраны основные понятия, связанные с мировоззрением воинского сословия Японии. Второй трактат – «Хагакурэ», принадлежащий Цунэтомо Ямамото[5], в котором также отражены основные установки самурайства. В них есть некоторая разница. Трактат Дайдодзи больше направлен на поучительную этику, основанную на взаимосвязи внутреннего и внешнего, и построенную на индивидуальном совершенствовании в духе конфуцианства. По сути «Будосёсинсю» - напутствие самураю, как жить воину в мирное время. Тогда как «Хагакурэ» призывает отказаться от прагматизма и здравого смысла, вернуться к первоосновам жизни самурая. Утверждается тезис о том, что смерть может наступить в любой момент, поэтому жить нужно именно этим моментом.

Эти трактаты составлены намного позже, чем интересующие нас источники, но мы можем увидеть в них схожие идеи, лёгшие в основу кодекса поведения самурая.

Общие работы по истории Японии, к которым относятся труды как японских авторов (Э. Хондзё)[56], так и отечественных (А.Е. Жуков[22], Х.Т. Эйдус[57]) содержат важную общую информацию об эпохе формирования самурайства.

В силу специфики источниковой базы мы обращались к работам отечественных востоковедов, посвящавших свои труды японской литературе, в

частности, к исследованиям крупнейшего знатока Японии Н.И. Конрада[29; 30; 31].

Фундаментальные работы по истории японской литературы принадлежат отечественному учёному В.Н. Горегляду[15; 16; 17; 18]. Он дал периодизацию развития жанра японской воинской повести и выделил особенности, присущие образцам этого жанра.

Первым советским автором, который посвятил самураям специальные работы, был А.Б. Спесивов[50; 51]. Учёного интересовало, как самурайский дух проявил себя в истории страны, причём не только в эпоху средневековья.

Отечественные историки С.С.Пасков[40] и А.Н.Мещеряков[34; 35] занимались вопросами ранней истории Японии, в частности, эпохи Хэйан, детально исследуя тот фон, на котором формировалось раннее самурайство.

Большую ценность для нас представляли труды зарубежных авторов, специально посвященные самураям – С. Тёрнбулл[52], Х. Сато[45], Мицуо Куро[36].

Цель работы: проанализировать отражение в самурайских эпосах (гунках) образа жизни и идеологии японского самурайства XI-XIV веков.

Для реализации цели ставятся следующие **задачи:**

1. Рассмотреть возникновение самурайства, как социального слоя японского общества в XI-XIV веках.
2. Проанализировать отражение в «Повести о братьях Сога» особенностей идеологии японских самураев.
3. Проанализировать отражение в «Сказании о Ёсицунэ» особенностей идеологии японских самураев.

Объект исследования: поздние произведения в жанре самурайского эпоса - «Повесть о братьях Сога» и «Сказание о Ёсицунэ».

Предмет исследования: отражение мировоззрения японского самурайства в «Повести о братьях Сога» и «Сказании о Ёсицунэ».

Особенности мировоззрения самураев мы будем рассматривать в контексте той эпохи, которая его сформировала, то есть, руководствуясь принципом историзма.

Методы исследования: анализ, синтез, сравнение, индукция.

Хронологические рамки исследования охватывают период с XI по XIV век – от времени зарождения прототипа самурайского сословия и до его “золотого века”.

Пространственные рамки исследования – территория Японии XI – XIV вв., в основном остров Хонсю.

Глава 1. Возникновение самурайства, как социального слоя японского общества в XI-XIV веках

1.1. Самурайство, как социальное сословие в Японии

Возникновение самураев относится к концу эпохи Хэйан. Эпоха Хэйан - золотой век развития японской культуры и национальной традиции. Именно в эту эпоху возникают и расцветают японские культурные национальные жанры в различных сферах культурной жизни, в особенности эти процессы заметны в литературе. В эту эпоху мы видим развитие аристократической культуры, которая складывается при императорском дворе, именно под влиянием этой аристократии получают своё развитие многие жанры японской литературы.

К XII веку, концу эпохи Хэйан, Япония была как политически, так и экономически нестабильной. Государство было раздроблено, в нём отсутствовало четкое управление и жесткая централизация власти. Дом Фудзивара постепенно начал терять свою власть, чему способствовали постоянные противостояния регентов и экс-императоров в монастырях.

У Японии не было постоянных, сильных военных соперников, как у континентальных держав, поэтому ей и не нужна была большая, всегда функционирующая армия, однако это не значит, что у неё не было военных опасностей. На севере и на востоке безопасности постоянно угрожали племена эмиси. Не стоит забывать и о постоянной опасности любого государства - разбойниках и бандитах, а также восстаниях и мятежах.

Поэтому, как пишет в своей работе С.Тёрнбулл: «Поскольку система всеобщей воинской повинности не срабатывала, обеспечение безопасности в этих отдаленных провинциях стало заботой местных землевладельцев» [52, с.28]. Именно для поддержания безопасности на границах и возникает самурайство. «Под началом этих землевладельцев находились многочисленные мелкие держатели земель и крестьяне... Не требовалось много времени, чтобы эта экономическая зависимость переросла в вассальные отношения» [52, с.29]. Именно из этого рождается само слово самурай – тот, кто служит. Верность этих

людей принадлежит именно землевладельцу, а не императору. Аристократические кланы трансформируются в самурайские кланы, более могущественные, чем были до этого: «...клан стал гораздо более крупной социальной единицей, чем прежде: вокруг семейного ядра сплачивались многочисленные люди и целые семьи, не связанные с ним родственными узами» [52, с.29]. Эту опасность пропустила столичная аристократия эпохи Хэйан.

Именно в XII веке начинается расцвет самурайского сословия, период установления первого сёгуната, с конца открытого противостояния кланов Тайра и Минамото. Преимущества клана Тайра в своей работе выделяет Стивен Тёрнбул: «Клан Тайра обязан своим возникновением политике удаления от двора лишней знати, имя Тайра впервые было принято неким Таками, внуком императора Камму, основателя Киото, который правил в 781–806 гг. Понимая, что ему не дадут продвинуться при дворе, молодой человек отправился на Восток и поселился на равнине Канто. Его сын дослужился до ранга наместника провинции, шесть его внуков также достигли высоких чинов. Имя Тайра стало популярным, с ними охотно рождались, заключали сделки кэсин, у них было много сторонников» [52, с.31]. Клан Тайра обладал выдающимися административными ресурсами, что делало его привлекательным с точки зрения заключения «династических браков», с помощью которых клан мог заключать выгодные для себя сделки и увеличивать своё влияние в стране.

Помимо действительно завидного положения, данные кланы обладали ещё одним, не менее важным преимуществом перед остальной аристократией в стране, о чём в своей работе пишет А.Б. Спесваковский: «В процессе постоянных войн с аборигенами северо-восточные феодалы создавали собственные самурайские дружины. Наиболее значительными вооружёнными силами обладали в то время роды Минамото и Тайра, которым не раз приходилось прибегать к помощи своих самураев при усмирении айнов. Впоследствии именно эти вооружённые силы были использованы феодалами в борьбе за власть при установлении новой системы правления страной – сёгуната» [50, с.12]. Вследствие того, что площадь государственных земель сократилась в несколько

раз, в то время как земля крупных феодальных князей только увеличивалась, у них в руках оказался большой объём власти и влияния. Добавить можно и то, что земли этих феодалов увеличивались ещё и за счёт соперничества с другими феодалами.

В борьбе за власть побеждает клан Минамото. Этому клану удалось в 1185 г. в битве при Данноура (бухта к востоку от Симоносэки) наголову разгромить войска дома Тайра.

Причины победы дома Минамото над домом Тайра А.Б.Спеваковский видит в следующем: «Феодалы Минамото, властвовавшие в северо-восточных областях равнины Канто, располагали более дееспособной армией самураев, закаленной в непрерывных схватках с айнами. Кроме того, Минамото обладал несомненным преимуществом перед своим противником - он мог постоянно снабжать переходящих к нему дружинников мелкими земельными наделами, отвоеванными у аборигенов Северо-Востока, в то время как сторонники Тайра имели меньше таких возможностей» [50, с.13]. Можно сделать вывод, что поражение Тайра было обусловлено выгодным положением клана Минамото, так как постоянные военные походы против северных племён закалили военные силы клана, а также давали повод самураям Тайра переходить на сторону их врага, так как у того было много свободной земли.

После победы над домом Тайра, Минамото-но Ёритомо вынудил императора присвоить ему титул сёгуна. Отныне сёгун становился самым могущественным человеком в стране: наивысшим по рангу самураем и главным министром в одном лице, он именовался словом сиккэн. Результатом такого назначения является полная потеря политической и экономической силы императором и его сподвижниками на ближайшие 7 веков. Дабы утвердить свою власть над Японией, сёгун переносит столицу государства в свою ставку, в город Камакура. Это место было выбрано резиденцией сёгуна неспроста, так как таким образом новопровозглашенный фактический правитель страны стремился ослабить власть императора, и в какой-то мере создать своё собственное независимое правительство. По местонахождению штаб-квартиры сёгуна в

японской историографии принято выделять период Камакурского сёгуната. Несмотря на то, что Камакура являлась столицей сёгуната, расположен город был крайне неудачно: он находился в отсталом восточном регионе, что предопределило его экономическую слабость и, в конечном итоге, привело к гибели сёгунат.

После падения Камакурского сёгуната в первой половине XIV века, возникает Сёгунат Муромати существовавший до конца XVI века. Новые сёгуны постепенно лишили императорский двор прежних полномочий и к концу XIV века исчез дуализм в системе управления периода Камакура, когда правительство сёгуна делило власть с кугэ (придворной аристократией) и тэнно. Власть на местах контролировали назначенные правительством сюго (военные губернаторы), которые впоследствии переросли в фактически независимых военных правителей даймё. Усиление центробежных тенденций привело к началу междоусобицы в стране - периода "воюющих провинций". Именно в период сёгуната Муромати и складываются изучаемые нами источники.

Новая система правления – сёгунат - позволяла самураям безраздельно господствовать в социальной и политической областях жизни государства. Главные изменения в новой системе управления государством выделил А.Б.Спеваковский: «Самураями с этого времени стало считаться всё военное дворянство Японии, включая самого сёгуна. Особой категорией самураев или верхушкой сословия (как бы сословием в сословии), были феодальные князья, владельцы крупных земельных участков разной величины. Далее шли самураи среднего и низшего рангов, отличавшиеся друг от друга размерами своих богатств и доходов. Они являлись основной военной силой феодалов» [50, с.13]. Именно с установлением первого сёгуната, самурайство становится не просто отдельным сословием, оно становится особым сословием, отделенным от других, со своей личной иерархией, своими законами и привилегиями. Сёгун в такой системе являлся самым главным самураем, наместником самого императора, функции которого теперь сводились строго к церемониалу и духовной функции, однако, по правилам, титул сёгуна всё-таки вручался лично

императором. Отныне феодальные князья для упрочения своего положения имели право создавать свои собственные самурайские дружины. Самураи же становились в один ряд с придворной аристократией и превращались в господствующий класс Японии.

Одним из главных изменений становится то, что самурайское сословие теперь не занимается ничем, кроме военного промысла: «С наступлением в стране эпохи междоусобиц военное дело было полностью отделено от земледелия... Бакуфу внимательно следило за главным источником доходов самураев - их землями, издавая указы, ограничивающие и запрещающие продажу пожалованных и наследственных участков, стараясь поддержать подобными мерами экономическое могущество сословия воинов» [50, с.14].

В самурайском сословии была своя иерархия: «Все самураи, или буси, первого сёгуната Минамото были разделены на две категории: гокэнин и хигокэнин. Первые стояли в центре сословия воинов, являясь стержневой социальной группой самурайства, и находились в непосредственном подчинении у сёгуна; вторые были слоем мелких феодалов (самураев-дружинников), не являвшихся непосредственными вассалами сёгуна, а прямо или косвенно подчинявшихся императорскому двору или храмам» [29, с.447]. То есть, хигокэнины были в более приниженном состоянии, чем гокэнины, так как не находились на прямой службе у сёгуна, в связи с чем и получали от него меньше внимания и наград за свою службу. К ним существовала некоторая степень недоверия, так как такие самураи могли подчиняться императорскому двору, влияние которого сёгун стремился умалить, чтобы у него не было конкуренции в управлении страной.

В самом начале своего правления, Минамото стремились охватить своей властью всё население страны, что в условиях социального хаоса было невозможной задачей. И хотя императорский двор потерял контроль над восточными провинциями и был вынужден дать политическую власть самурайскому сословию, уже к концу XII века самураи побудили императора взять на себя функции управления непрямыми вассалами сёгуна, то есть

хигокэнинами, что юридически оформляется указом 1205 года, по которому все апелляции хигокэнинов нужно было направлять в Киото, на рассмотрение двора императора, а не в Камакуру. Кроме этого, все внешние связи также контролировались Киото, что не давало сёгуну участвовать во внешнеполитической жизни страны.

Таким образом, самурайство оформляется как особое социальное сословие в Японии с установлением первого сёгуната Камакура. Оно получает после этого огромные привилегии и, по сути, оказывается самым привилегированным сословием в Японии на последующие почти семь веков. Оно становится главной военной опорой государства.

1.2. Идеиные доктрины, определявшие идеологию самураев

1.2.1. Синтоизм

Древнейшая религия японцев - синто, или же путь богов, - является одной из самых древних и уникальных верований человечества. О времени её возникновения нельзя сказать точно. Примерным временем возникновения синтоизма можно назвать I тыс. до н.э. Своими корнями он восходит к первобытным формам верований, таким как тотемизм, анимизм, фетишизм и им подобные. Г.Е. Светлов пишет об этом следующее: «Древние японцы обожествляли практически все предметы и явления окружавшего их мира. Большое место в их верованиях занимали культы природы: ками (божества, духи) обитали в горах, реках, источниках, растениях, животных. При этом особенно широко был распространен солярный культ. Верховное божество синто Аматэрасу-о-миками (Великая священная богиня, сияющая на небе) ведет свое происхождение от духа солнца Аматэру митама, которому поклонялись повсюду на территории Японии» [47, с.189-190]. Древнее синто появляется путём наложения обычаев народа и почитания предков, поэтому мы не увидим в нём ни чётких догм, ни заповедей.

Выдающийся советский религиовед С.А. Токарев писал следующее: «В действительности древнейшая религия японцев до объединения страны в первые

века н. э. - отражала патриархально родо-племенной строй, где выделялась воинственная племенная знать и зарождалось патриархальное рабство. Самая древняя религия японцев, состояла, видимо, в почитании семейно-родовых и племенных духов и богов покровителей - ками (слово "ками" буквально означает: наверху, верхний, начальник). Пока еще неясно, были ли то первоначально духи умерших, предков (впоследствии культ предков у японцев развивался под сильным влиянием буддизма) или духи земли, стихий; возможно, что в образах ками сливалось и то и другое» [54, с.264-265]. Из вышесказанного мы можем сделать вывод, что стремление к патриархальности и вытекающего из него глубочайшего уважения к старшим, пришло в Японию не из Китая вместе с конфуцианством, а складывалось ещё задолго до начала контактов страны восходящего солнца с Поднебесной. При этом можно сказать, что формирование прообраза воинского сословия в Японии начинается в далёкой древности, о чём и пишет С.А. Токарев.

Так как синто оставался важным аспектом в жизни японского общества, он естественным образом отразился и на воинском сословии: «Кроме почитания божеств, синто требовал от самураев также обязательного почитания умерших предков, поклонения душам убитых в бою воинов, военачальников, которые, как и обожествленные герои древности и императоры, считались богами» [51, с.41]. Из этого можно сделать вывод, что отношение японцев к своим предкам и военачальникам уже находилось на довольно почтительном уровне и оно впоследствии будет дополняться после проникновения конфуцианства на японский архипелаг.

От архаичных черт синтоизма осталось и придание всему, что окружает людей, "божественных черт" и естественно, что главный спутник самурая, а именно его оружие, тоже не обошлось без обожествления: «Необходимо отметить, что особое отношение синто распространял на оружие воинов, призванное карать врагов. У самураев почитание оружия превратилось в своеобразный культ. Нередко оно само тоже рассматривалось как божество» [51, с.42]. Оружие воина - это его душа, поэтому естественным становится

отношение к нему, как к чему-то ценному. Меч передавался из поколения в поколение, становился настоящей реликвией. Подобное отношение к оружию мы можем увидеть даже в XX веке, оно перешло к японским милитаристам: меч должен был оставаться с человеком до последних минут его жизни. Мечом самурай должен был вершить правосудие, защищать слабых и невинных, однако, как известно, не всегда самурай пользовался мечом только в благородных целях, о чём нам говорят следующие строки: «Ярким примером бесчестного употребления меча, помимо применения его в захватнических феодальных войнах, являлся каннибалистический обряд пробы нового меча тамэсигири, или цудзигири (букв, «убийство на перекрестке дорог»). Сущность обряда заключалась в том, что новый, не бывший в употреблении меч обязательно надо было испытать на человеке. Нередко жертвами становились нищие или крестьяне, поздно возвращавшиеся с полей» [51, с.43].

С приходом в Японию буддизма позиции синтоизма были отодвинуты на второй план, о чём пишет А.А. Спесивовский: «Буддизм безоговорочно был принят господствующим классом феодальной Японии, и синто на какое-то время переместился на второй план, являясь в основном религией низших слоев японского средневекового общества. Тем не менее синтоизму, как и прежде, покровительствовала императорская семья» [51, с.37]. Однако синтоизм не растворился полностью в буддизме и не исчез из умов и сердец японцев, в связи с почитанием императора как живого потомка синтоистской богини Аматэрасу, в связи с чем самому государю и его приближенным, часть из которых принадлежала к высшему синтоистскому жречеству, было выгодно поддержание синтоистского культа.

В связи с приходом буддизма и конфуцианства на территорию японских островов синтоизма в его первоначальном, “чистом” виде с начала VI-VII веков не осталось, произошло сращивание синтоистских богов с буддизмом. Для воинского сословия - как изначально, так и с приходом новых философских концепций, - оставался Хатиман, который в буддизме стал бодхисаттвой, о чём в своей работе пишет А.М. Дулина: «Хатиман почитается как бог-охранитель

Японии. Эта функция была присуща ему изначально и тесно связана с представлением о Хатиман как о воинственном боге, защищающем государство от внешних и внутренних врагов» [21, с.133]. Исходя из этого, можно сказать, почему именно Хатиман стал богом-покровителем воинов, так как именно с его охранительной функцией связана вся жизнь самурая. С трансформацией синто трансформируется и сам Хатиман, так как сам титул “божество войны” идёт в прямую конфронтацию с одним из главных постулатов буддизма, а именно, с запретом на нанесение какого-либо вреда живым существам. Однако в источниках мы можем видеть, что клятву не убивать божество нарушает только в исключительных случаях, о которых говорится: «Остались слова [Хатиман] о стремлении принести великую выгоду [освобождения живых существ], но это не касается врагов государства: когда [Хатиман] принял заповеди, он поклялся в определенное время соблюдать, а иногда быть вынужденным нарушать» [Цит. по: 21, с.140]. Исходя из этого, можно сделать вывод, что “исключительными случаями” являются ситуации, когда либо государю, либо всему государству угрожает опасность.

Культ бога Хатимана начинает свой стремительный подъём во время формирования самурайства как социального класса и возникновения первого сёгуната, о чём пишет А.М. Дулина: «В период Камакура Хатиман становится популярным среди военного сословия. Об этом свидетельствует частое упоминание имени божества в военных повестях гунки» [21, с.137]. Помимо этого, мы можем видеть, что Хатиман становится богом-покровителем семьи Минамото, что также обуславливает стремительный рост популярности его культа: «Выбор Хатиман в качестве своего родового божества кланом Минамото, а также его продвижение в роли защитника от внешних и внутренних врагов служителями культа способствовали популяризации Хатиман как покровителя и охранителя всего воинского сословия в период Камакура» [21, с.141-142]. В процессе эволюции культа бога войны выделяются наиболее важные его стороны - защита государства от врагов внешних и внутренних, охрана правителя и династии, а также заступничество всем верующим в

Хатимана. При этом основная функция - военная, - отходит на второй план, для соответствия буддийскому канону. Она остается только как общая характеристика божества, а именно бога-охранника.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что синтоизм определенным образом воздействовал на оформление мировоззрения и идеологических основ самурайского сословия Японии. В дальнейшем они практически без изменений перешли в самурайское войско и просуществовали на протяжении долгого времени.

1.2.2. Буддизм

Как уже было сказано ранее, синтоизм не способствовал объединению различных политических сил внутри развивающегося японского общества, можно сказать, что даже наоборот, “чистый” синтоизм даже разобщал различные племена, вследствие чего «проникший с материка в Японию буддизм довольно быстро занял ведущие позиции в духовной культуре страны» [12, с.198]. Буддизм внес значимый вклад в развитие японского общества: «Буддизм распространился в Японии в форме Махаяны и немало сделал для становления и упрочения там развитой культуры и государственности. Принеся с собой не только индийскую философскую мысль и буддийскую метафизику, но также и традиции китайской цивилизации (буддизм пришел в основном через Китай), учение Будды способствовало оформлению в Японии административно-бюрократической иерархии и некоторых принципиальных основ системы этики и права» [12, с.198]. Можно сказать, что для японской государственности буддизм принес действительно очень важные нововведения, но, что самое главное, буддизм начал влиять на культуру Японии. Влияние это заметно на всех социальных слоях Японии - от низшего сословия до правящих.

С приходом буддизма на японские острова, синто не было забыто. Наоборот, на территории страны произошёл симбиоз традиционных верований японцев и новых религиозных течений, которые вместе создавали уникальную идеологическую почву для социальных слоёв общества. Причины такого

синкретизма современный исследователь Багаева видит в следующем: «Можно предположить, что буддизм не смог бы получить широкого распространения, если бы не отвечал неким потребностям самого народа, поскольку, во-первых, насильно насаждаемая сверху идеология воспринимается низами лишь поверхностно и на непродолжительный срок, в то время как традиционные культы продолжают отправлять тайно, а во-вторых, не произошла стратификация общества по религиозному признаку: буддизм — для элиты и синтоизм — для плебса. Напротив, несмотря на периодическое ослабление государственной поддержки, буддизм продолжал свое распространение» [7, с.36].

Синтоизм не исчезает из жизни японцев. Во-первых, император, хоть и потерял политическую власть, несмотря на это не перестал быть синтоистским божеством, его главная роль стала сводится к совершению религиозных обрядов. Во-вторых, синтоизм остаётся доминирующей религией среди крестьянства, так как тот отвечал бытовым потребностям этого сословия. Это и определило гармоничное сосуществование и взаимное культурное обогащение двух религиозных систем.

С конца XII столетия в Японии наступает период сёгуната, продлившийся вплоть до конца XIX столетия. Главой государства фактически, становится сёгун, который возглавлял военное правительство бакуфу.

В этот период важное место в японском обществе начинает играть военное сословие самураев, активно исповедовавшее буддизм школы дзэн. Именно на данном течении буддизма, в частности, базируется кодекс чести самураев Бусидо. Буддизм подарил тот необходимый порядок, который был нужен самураям. По сути своей, буддийские монахи стали в духовном плане неотличимы от самураев, так как у них было много общего, о чём в своей работе пишет К. Нукария: «Во-первых, и те и другие должны были пройти суровое обучение и терпеть лишения без жалоб» [39, с.51]. Самое первое, с чего начинается путь самурая, с приходом буддизма - это суровые тренировки, не только физические, но и духовные. И, что самое главное, буддизм привнес этику

“самопожертвования” в самурайский быт, что прочно закрепилось в этическом кодексе самурая.

Помимо тренировки души и тела, самурай должен был жить в бедности: «Во-вторых, и дзэнских монахов, и самураев отличает так называемая честная бедность. Кодекс рыцарской чести, бусидо, запрещает добывать богатства неправедным путем. Самурай готов скорее умереть, чем жить недостойно» [39, с.52]. Самураев можно назвать честными бедняками. Точно так же, как самурай никогда не станет зарабатывать деньги грязным путём, буддийский монах никогда не станет зарабатывать неправедным способом, который бы мог запятнать его честное имя.

Взрывной характер самураев не раз описан в произведениях классической японской литературы, однако, наряду со взрывным характером, мы также находим самурая всегда благородным, безмятежным и иногда, в некоторых ситуациях, достаточно прямолинейным и грубым: «В-третьих, и дзэнские монахи, и самураи отличались мужественным и благородным поведением, порой, однако, граничившим с грубостью» [39, с.53]. Самураев, как и монахов, такими, какие они есть, делало их обучение, оно закаляло их характер и раскрывало всю сущность человеческого духа.

Самое известное, что мы можем сказать о самурае - это то, что для самурая неизменно честь будет стоять выше любого другого морального качества человека в его жизни. “Потерять лицо” для самурая - это самое тяжёлое преступление, которое он может совершить: «В-четвертых, самураи, как известно, встречали смерть с неизменным мужеством. Самурай никогда не обратится в бегство, но будет сражаться с врагом до последнего вздоха. Прослыть трусом для самурая — гораздо хуже смерти» [39, с.55]. Из этого мы можем сделать вывод, главное в жизни самурая это всегда поддерживать свой статус, статус воина, который готов отдать свою жизнь, но не запятнать свою честь.

Стоит отметить, что не только синтоизм изменялся под влиянием буддизма, но и наоборот, возникали новые буддийские учения. Самым заметным

из таких учений стал буддизм амидаистского толка. В.Н. Горегляд в своей работе выделяет следующие причины распространения этого учения: «Можно назвать три основные причины этого явления: 1) стараниями официальных властей, господствующих школ буддизма и отшельников-ямабуси буддийская религия к этому времени распространила свое влияние далеко за пределы столицы и привилегированных слоев населения, стала частью мировоззрения практически всего населения Японии; 2) развитие феодальных общественных отношений диктовало выработку таких форм идеологии, которые бы отвечали требованиям эпохи, таких форм религии, которые бы позволили проводить аналогии между социальной структурой и структурой религиозного сознания, а в первой из них усиливались феодальные владетели, культивировавшие в своих землях слепое подчинение, безусловную веру в собственную непогрешимость, отсутствие личной инициативы вассалов в решении важных вопросов; 3) падение олигархии Фудзивара и возвышение Тайра. Ряд стихийных бедствий, крестьянские восстания в IX—XII вв., эпидемии и многие другие признаки говорили буддистам о том, что наступил «конец дхармы» и учения старых школ о самоусовершенствовании и постепенном улучшении кармы в долгой цепи рождений для них не вполне подходят» [17, с.129]. Можно сказать, что причинами распространения данного вида буддизма можно назвать в первую очередь эволюцию общественно-политического строя Японии, появление необходимости в упорядочивании сословных отношений и выстраивание четкой вертикали власти, которая бы отвечала всем требованиям новой правящей династии военных правителей Тайра.

Амидаистский буддизм постепенно начинает проникать во все сферы жизни японского общества, как пишет Конрад: «Буддизм в Японии впервые по настоящему стал превращаться в массовую религию» [31, с.264]. Прельщал же культ Амиды японское население в первую очередь своей простотой, ведь для того, чтобы попасть в так называемую “Чистую землю”, то есть, не имеющую материального измерения Чистую землю будды бесконечного света Амитабхи или же, по другому, прекрасного сада, не нужно соблюдать каких-то жестких

обрядовых правил: «Не избранная обрядовость, не мистическая философия, не запутанная сложность специальных терминов, а простое, прямое обращение к будде Амитабха» [Цит. по: 15, с.177].

Важнейшим фактором в отношении к жизни у японцев является природа. С приходом в жизнь японского общества буддизма, синтоистские верования наложились на основы буддистского мировосприятия, что в своей работе отмечает А.В.Козачина: «Опираясь на учение Шакьямуни, главными постулатами которого являлись утверждения о том, что на этом свете нет ничего вечного и любой человек когда-нибудь умрет, японское общество взрастило в себе смирение перед стихией, стремясь максимально приспособиться к природе» [28, с.24]. Исходя из этого, можно сделать вывод, что, то отношение к смерти, как к чему-то, что обязательно произойдёт с каждым, самурайскому сословию преподносит именно религия, пришедшая с материка. Идея о скоротечности жизни, плотно закреплённая в умах воинского сословия Японии, прослужит основным моральным ориентиром для них до второй половины XX века.

Таким образом, буддизм оказал очень большое влияние на мировоззрение японского общества, на самурайское сословие, дав необходимую строгость в поведении и презрение к смерти.

1.2.3. Конфуцианство

Великий учитель Кун, или же, как принято в европейской традиции, Конфуций жил в Китае в период с 551 по 479 год. Идеалом учения Конфуция является гармоническое общество, в котором любой человек имеет свою функцию. Построено данное общество на идее преданности в отношениях между вышестоящим и нижестоящим. Конфуций считал гармоничным то общество, где: «...Государь есть государь, министр-министр, отец-отец и сын-сын» [5, с.181]. Конфуцианство носило практический характер, не затрагивая вопросы метафизики и мироустройства, что дополняло собой религиозную картину буддизма.

Как и буддизм, конфуцианство пришло на Японские острова с материка: «конфуцианство, — как отмечал А. К. Рейшауэр, — приобрело влияние в Японии по большей части потому, что его пропагандировали буддисты. Оно поощрялось ими потому, что дополняло буддийское учение, особенно в области практической этики» [Цит. по: 15, с.123]

Согласно ранним японским хроникам, эта религия была ввезена в Японию из Кореи в 285 г. и получила распространение к VI веку. В связи с этим, овладение конфуцианскими знаниями и, как следствие, знание китайского языка становятся обязательными признаками аристократического воспитания. Вследствие этого мы можем увидеть одну из особенностей конфуцианства в Японии: из-за сложности в освоении учения, оно оставалось доступным лишь высшим кругам Японского общества, при этом практически полностью являясь недоступным для широких масс населения.

Конфуцианство, после своего распространения, благодаря конфуцианским учёным, в буддийских монастырях, изменило образ мышления японского народа благодаря учению о пяти добродетелях, в которых отражается вся суть этики континентальной системы: «Для пояснения роли каждой из добродетелей Конфуций берет в пример плодовое дерево. «Жэнь» (человечность) — это его корни, «йи» (справедливость) — ствол, «ли» (идеальное поведение) — ветви, «жи» (мудрость) — цветы и, наконец, «хсинь» (верность) — это плоды древа добродетели. Добродетель «ли» (идеальное поведение), по мнению Конфуция, должна играть самую важную роль в восстановлении нравственности правителей и всего народа» [42, с.89]. В идеологической системе всего японского общества крепко укоренились эти добродетели. Особенно сильно влияние учения Конфуция прослеживается на служилом сословии, самурайстве, для которого добродетель хсинь стала самой важной. Для достижения этих 5 великих добродетелей великий учитель разработал план 5 великих взаимодействий, суть которых сводится к следующему:

«1. Доброе отношение отца к сыну и почтительное отношение сына к отцу.

2. Мягкое отношение старшего брата к младшим и уважительное отношение младших братьев к старшему.

3. Праведное отношение мужа к жене и послушание жены мужу.

4. Человечное отношение старших людей к младшим и почтительное отношение младших к старшим.

5. Великодушное отношение правителей к министрам и гражданам и верность министров и граждан своим правителям.» [42, с.90].

Об отношениях в обществе в своей работе пишет современный исследователь Севрюк: «Отношения между людьми в конфуцианстве определены и иерархически упорядочены. Регламентируются взаимоотношения в семье (дети должны уважать родителей), между людьми разных поколений (младшие должны уважать старших), между представителями разных ступеней (подданные должны уважать своего правителя, доверять ему и быть лояльными). Стабильность общественного порядка, а значит, и социальная гармония зависят от правильного поддержания иерархических отношений» [48, с.37].

В этих правилах мы можем видеть одну из основ самурайской этики, а именно сыновнюю почтительность, которая показана в основном законе жизни самурая “Бусидо”. Сын должен до конца жизни отца быть верным ему, как и своей семье в принципе. После смерти отца роль главы семьи берёт на себя старший сын и так до бесконечности.

Самое главное, что конфуцианство привнесло в идеологическую систему японского самурайства, - это принцип безоговорочного подчинения вышестоящему, в частности, вассала своему господину: «Учение Конфуция нашло отражение в политической культуре Японии: бесконфликтное управление, взаимное доверие между управляемыми и управляющими, почтение к старшим, патернализм, безоговорочная преданность вышестоящим. Идеал благородного и образованного сановника стал неотъемлемой частью японской философии управления. В учениях конфуцианцев так же был сформулирован характерный для политической культуры Японии принцип поглощения личного общественным» [37, с.111].

Можно сделать вывод, что идейная доктрина воинского сословия Японии прошла большой путь развития, испытав на себе разные влияния. Ни одна идейная система не заменяла собой другую (хотя были попытки буддистов полностью подавить традиционные религиозные верования). Они гармонично сосуществовали друг с другом, создавая тот идеальный образ самурая, который нашёл своё отражение в жанре самурайских эпосов, гунок. От синтоизма самурайскому сословию досталось религиозное отношение к окружающему миру, в особенности к оружию, и главный бог - защитник Хатиман, от буддизма - отношение к жизни как к чему-то скоротечному, а от конфуцианства - сыновняя почтительность и безоговорочная преданность своему господину.

Глава 2. Отражение в «Повести о братьях Сога» особенностей идеологии японских самураев

2.1. Сюжет «Повести о братьях Сога»

«Повесть о братьях Сога» занимает значительное место в японской культуре. Она предоставляет обширные возможности для изучения структуры идеологии воинского сословия Японии, а также позволяет проследить эволюцию его взглядов. «Повесть о братьях Сога», будучи примером литературного жанра гунки моногатари, несколько отличается от подобных произведений: ««Повесть о братьях Сога» нередко выделяют из общего ряда воинских повествований, отмечая, что в предыдущих гунки речь шла о столкновениях сил, по-разному ориентированных политически, о столкновениях воинских кланов или социальных слоёв, о борьбе, в которую была вовлечена вся страна, а в "Сога моногатари сюжет замыкается на личных отношениях, на мести двух братьев виновнику смерти их отца» [18, с.249]. Из сказанного мы можем проследить эволюцию литературного жанра гунки моногатари: акцент переносится с большого явления, в котором задействованы большие массы людей, на личную трагедию одной семьи, на двух главных героев, братьев Дзюро и Горо.

В своей работе В.Н. Горегляд указывает: «Известно, что «Повесть о братьях Сога» в десяти свитках уже существовала в начале эпохи Северной и Южной династий, т.е. к середине XIV века, и была, по общему признанию, создана монахами буддийского храмового комплекса Хаконэ» [18, с.247]. Таким образом, мы можем датировать примерное время оформления сказаний и легенд о братьях Сога в один сборник примерно к XIV веку. Это соотносится уже со временем становления сёгуната Муромати, что могло изменить отношение к этим произведениям.

Первопричиной драматических событий является спор о наследстве между двумя представителями самурайского рода, Кудо Сукэцунэ и Ито-но Сукэтика. Спор заключался в том, кому будет принадлежать земля. По праву наследства

земля должна была принадлежать Сукэцунэ, однако Сукэтика, который всю жизнь считал себя обделённым, решил не отдавать поместье племяннику, забрал у того жену, которая была его дочерью. Сукэцунэ, посчитав, что законными методами добиться он ничего не сможет, решил своего дядю убить. Сукэцунэ призывает двух своих слуг, чтобы те убили его неприятеля. Действие переносится в поместье Ито, где на сцену выходит Кавадзу-но Сукэмита - отец братьев Сога. В произведении он описывается как замечательный воин: «от рождения отличался сдержанностью, высказывался разумно и превзошёл прочих на пути овладения воинскими искусствами. Прекрасен лицом, статен телом, он лучше других преуспел в науках и искусствах» [2, с.52-53]. После охоты слуги Сукэцунэ попытались исполнить задуманное, однако вместо самого Ито, от их стрелы погибает Сукэмита, у которого остаются два сына, Итиман и Хакоо, которые в дальнейшем возьмут имена Дзюро и Горо. Убитая горем, мать приказывает своим детям отомстить за своего отца, что старший сын, Итиман запомнил. Младший же был ещё слишком мал, чтобы понять смысл слов, сказанных матерью. В дальнейшем мать выйдет замуж за господина Сога, под фамилией которого и станут известны братья.

Младшего брата, Хакоо, мать отдаёт в монахи, надеясь на то, что монастырская жизнь отобьет у него мысли о мести, однако тот спустя пару лет ученичества избегает пострига и возвращается к своему брату. Можно понять мотивы матери, так как дальше по сюжету она начнёт отговаривать своих сыновей от мести за своего отца, однако сыновний долг заставляет братьев идти до конца. После того, как младший брат совершает обряд первой мужской причёски, мать отказывается от них. Этот шаг она рассматривает как нарушение долга по отношению к отцу: так как отец - воин, он обречён страдать в мире вечных сражений, а так как Горо больше не сможет стать монахом, некому будет помолиться за душу отца. Однако братья, теперь ставшие воинами, начинают готовиться к реализации своих планов.

Братья пытались привлечь на свою сторону и других родственников, однако по разным причинам потерпели неудачу. Единоутробный брат Кодзиро отказывается участвовать в мести, предлагая решить спор мирным путём, подачей жалобы сёгуну, так как времена изменились, и если раньше месть была разрешена, то теперь она находится под строжайшим запретом. Ёйти, другой родственник, вообще собирался донести на братьев в Камакуру, однако его отговаривают. Поэтому, оставшись только вдвоём, два брата начинают искать удобный случай, чтобы отомстить и решают присоединиться к охоте сёгуна, но, чтобы не привлекать лишнего внимания, делают это тайно.

Перед тем, как отправляться совершать задуманное, братья, понимая, что обратно живыми они уже не вернутся, встречаются с матерью, чтобы добиться прощения для Горо. Простившись, написали ей письмо и отправились на верную смерть. В повести видно, что у братьев не было желания вредить непричастным людям, однако после того, как они зарубили своего врага, причём сделав это самым постыдным для него образом, застав его в постели, а не в доспехах, братья начинают битву с самураями сёгуна, которые оказались неготовыми к тому, что кто-то может проникнуть в стан Ёритомо. Дзюро погибает в битве, но просит Горо рассказать Камакурскому правителю о мотивах своих поступков, чтобы оставить своё имя чистым. Чтобы исполнить последнюю волю своего брата, Горо начинает пробиваться к сёгуну, но в конечном итоге попадает в плен. После допроса младшего брата, правитель впечатляется его искренностью и твердостью и даже хочет помиловать, но из-за того, что у убитого Сукэцунэ остались сыновья, всё-таки принимает решение казнить Горо для того, чтобы положить конец вражде между семьями. Сам же сёгун формулирует такую позицию относительно мести: «пусть он и не может не уважать проявленную доблесть и своеобразную обоснованность содеянного братьями Сога, «если и впредь следовать правилу награждать того, кто убил своего врага, то потом бесчинствам не будет конца» [2, с.312]. Из этого можно сделать вывод, что сёгун, вероятно, поступил бы по-старому, позволил бы этой мести свершиться и даже

бы наградил за приверженность сыновнему долгу, однако сейчас времена изменились, и если пощадить одного, другие последуют примеру преступника, чего сёгун не мог позволить. Он казнит преступника Горо, но затем заботится о судьбе родственников братьев Сога.

В произведении интересно показаны характеры главных героев. Они весьма различны: старший, Дзюро, более доверчивый и даже более мягкий, чем его младший брат Горо - более решительный и даже мрачный. Создаётся ощущение, что именно Горо в этой паре героев старший, что иногда обыгрывается в тексте. Горо настолько сосредотачивается на мыслях о мести, что, кажется, отказывается от возможности какой-либо другой жизни, вне этой цели.

По сути дела, главные герои произведения - пленники «долга», но разные его виды конфликтуют между собой. В произведении мы видим, как сталкиваются два вида долга - долг перед господином и долг перед родителями. Долг перед господином чётко обозначается подчинением сёгуну и следованием его законам, по которым месть была запрещена. Но долг перед отцом требовал от братьев отмщения его убийце, который был недостижим для закона, из-за своей приближенности к сёгуну. В произведении мы видим, как два эти вида долга прямо противоречат друг другу. Помимо этого, у братьев Сога есть долг перед господином Сога, который вырастил их и воспитал как родной отец. Месть братьев за отца должна была повлечь за собой последствия и для их отчима, который взял их под свою ответственность. Кроме этого, не стоит забывать и о долге перед матерью, который братья не смогут исполнить, если погибнут. Братья должны заботиться о матери в старости и молиться о её душе после смерти, так как в случае смерти братьев, никто уже не сможет этого сделать. И мы можем видеть, что братьям приходится выбирать между различными видами долга. В конечном итоге, как уже известно, братья выбирают долг перед отцом.

Немаловажным персонажем в произведении становится сёгун Минамото-но Ёритомо. Он показан как мудрый правитель, который, будучи сам

благородным воином, сочувствует братьям, но в то же время он не может преступить свой же закон. Его главной целью становится порядок в государстве. В некоторых эпизодах мы можем увидеть, что он бывает довольно эмоционален, отжимая мокрые от слёз рукава.

2.2. Отражение в «Повести о братьях Сога» отношения самураев к мировоззренческим проблемам

2.2.1. Отношение к жизни

У самурая всё всегда в порядке. Пока он жив, он должен поддерживать своё лицо и не показывать малейшие признаки того, что он в чём-то нуждается. Самурай должен правильно жить и эпизоды правильной жизни мы можем увидеть на страницах произведения.

В первом эпизоде «Повести о братьях Сога» мы можем увидеть афоризм, напоминающий самураю о том, как следует вести себя в жизни: «Если кто мнит себя великим, непременно суждено ему пасть. Если кто уверен в изобилии, оно непременно оскудеет» [2, с.56]. Это в очередной раз показывает, что всю жизнь нужно провести в сдержанности, как по отношению к противнику, так и в отношении своих владений. Первое же как раз-таки нарушил Матано, соперник Кавадзу Сабуро по поединку сумо. Он произносил слишком самоуверенные речи и когда после таких речей проиграл, горечь от поражения была ещё больше, а когда его осмеяли, он не нашёл ничего лучше, кроме как попытаться зарезать своего противника. Благо, что всё закончилось хорошо и Матано помирился с Сукэмита.

Самураю следует осуществлять все свои действия безупречно и с должным уважением, например, в сражении с противником. В одной из глав повести идёт поединок сумо. Ягоро, старший из трёх братьев, присутствовавших на боях сумо, разозлённый на своего оппонента за то, что тот победил его братьев, ударил своего соперника по шее, в ответ на что получил в ответ. Забыв о правилах боя, они сжали кулаки и начали бить друг друга, в ответ на что окружающие самураи сказали следующее: «Господа, опомнитесь! Это же некрасиво! Бьёте друг друга

по лицу, это же просто драка! Сумо у самураев правильный поединок, на который приятно смотреть. Да к тому же и смеркается уже. Выходите на середину площадки и сражайтесь!» [2, с.50]. Мы можем увидеть, что правило проведения боя для самураев высоко ценится, так как это воспитывает дисциплину, которая необходима не только в проведении обрядов, но и в реальном бою. Как раз-таки злость привела к тому, что бойцы забыли о правилах, что было непозволительно и неправильно.

В следующем эпизоде мы можем увидеть отношение самурая к жизни: «Разве можно в этом брэнном мире, настолько исполненном страданий, заводить жену и детей? Для меня, Токимунэ, так всё обернулось, что бессмысленно встречаться с женщинами» [2, с.165]. Таким образом, младший брат уже знал свою судьбу, вероятно знал, что из этой затеи не удастся ему выбраться живым, поэтому делать своего ребёнка и жену объектом преследования со стороны Сёгуна посчитал слишком жестоким наказанием для них.

Мотивы поступков самураев проникнуты уважением к религиозным заповедям: «Да нам олени без надобности. Если уж и приехали убить врага, лишние грехи нам без надобности, лишние грехи нам ни к чему» [2, с.251]. В данном случае можем увидеть отношение самураев к самой первой буддийской добродетели, ахимсе, то есть непричинению вреда живому существу, потому что они её уже и так нарушат, убив своего врага, однако увеличивать количество плохих дел им не хотелось.

В конце произведения, мы можем видеть отношение жены к своему мужу. Тора, возлюбленная старшего брата, Дзюро, в возрасте 19 лет ушла в храм и до конца своей жизни так и не вышла замуж, что сделало её образцом женской верности.

В хагакурэ сказано о том, как женщина должна относиться к своему мужу: «Следует понять, что женщина должна быть верна своему мужу» [6, с.131]. Жена должна быть всегда верна своему мужу, даже после смерти последнего.

Из приведённых отрывков мы можем видеть, что самурай мог поступать неправильно из-за своей вспыльчивости, в частности когда была уязвлена их гордость или было брошено оскорбление в их сторону.

2.2.2. Отношение к смерти

В «Повести о братьях Сога» мы можем увидеть множество примеров, показывающих отношение самураев к смерти.

Грядущую смерть встречают с бесстрашием и к ней стремятся: «Нечего и говорить. Даже если бы вы мне сейчас отрубили ноги и руки, медленно отрезали голову, и тогда бы совершенно не держал на вас зла. Наоборот, если бы помиловали и дали пожить мне ещё, вот это стало бы сильной обидой, потому что со своим старшим братом, Дзюро, клялись мы утром и вечером: "Сложим наши головы вместе!", и если бы остался я жить хоть на час дольше, то нарушил бы клятву. А та, что была моей матерью, когда уходил я из поместья Сога, то постарался забыть о ней, так что от этого я не страдаю. Прошу вас, скорее отрубите мне голову!» [2, с.313].

Явата Сабуро, не стал убегать от превосходящих сил противника: «Он развязал шнурок и распустил связку стрел, не пытался бежать, а лишь спокойно ждал в одиночестве... Сняв доспех-харамаки, остался он в кафтане-хитатарэ и коротких штанах, поджёг дом в разных местах, взрезал себе живот и умер» [2, с.84]. Таким образом, самурай не обесчестил себя поражением в бою, а то ещё и хуже - попаданием в плен.

Уход из жизни спокойно заранее планируется: «Тут и говорить нечего. Как бы ни вышло, а мы простимся с жизнью между часом Мыши и часом Быка» [2, с.253]. Видно, что они всё для себя решили, и даже решили, когда именно отправятся на тот свет - либо с выполненной целью, либо покончив с собой.

Будосёсинсю говорит о смерти и о правильном отношении к ней. Отношение самурая к смерти показано в следующих строчках: «Самурай должен прежде всего постоянно помнить — помнить днем и ночью, с того утра, когда он берет в руки палочки, чтобы вкусить новогоднюю трапезу, до последней ночи

старого года, когда он платит свои долги — что он должен умереть. Вот его главное дело. Если он всегда помнит об этом, он сможет прожить жизнь в соответствии с верностью и сыновней почтительностью, избежать мириада зол и несчастий, уберечь себя от болезней и бед, и насладиться долгой жизнью. Он будет исключительной личностью, наделенной прекрасными качествами. Ибо жизнь мимолетна, подобно капле вечерней росы и утреннему инею, и тем более такова жизнь воина» [1, с.11]. По сути, в этих строчках отображено должное отношение самурая к своей смерти. Всегда и во всем помнить, что смерть неизбежна, и то, что самурай должен при первой возможности принять её, ведь именно осознание того, что главная цель самурая – умереть - и позволяет самураю жить полной жизнью в соответствии с кодексом самурая.

Самурай всегда готов принять свою смерть не только от руки врага, но и проведя сэппуку, без жалости и без сожаления. Благодаря такому отношению к смерти мы можем видеть множество эпизодов, когда самурай бросался в неравную схватку или принимал самые безумные решения в битве. Помимо всего прочего, именно такое отношение к смерти и двигало двумя братьями Сога на совершение своей мести за отца. В одном из эпизодов братья даже могли выбраться живыми после выполнения своего замысла, но они не стали пользоваться этой возможностью и погибли с честью.

2.2.3. Отношение к чести

Самураи очень щепетильно относились к своей чести. Самое страшное, что может совершить самурай - “Потерять лицо”, для него нет ничего позорнее этого. В «Повести о Братьях Сога» мы можем увидеть много примеров отношения самураев к своей чести.

Ради воинской чести совершаются поступки безрассудно храбрые. Имея возможность уйти, совершив своё дело, братья Сога, однако, предпочли выбрать достойную и славную смерть среди лучших самураев Сёгуна: «Следует нам воспользоваться случаем и схватиться с лучшими самураями, оставить своё имя в грядущих веках и погибнуть среди войск самого сёгуна, так исполним же своё

давнее желание. Кроме того, и с матушкой встречаться снова нам не стоит. Когда мы решились и ушли, то не писали и не передавали на словах, что снова вернёмся» [2, с.289]. Таким образом, для них оказалось лучшим решением специально спровоцировать спящих самураев, таким образом ещё и оставив о себе память как о бесстрашных воинах, которые не побоялись бросить вызов лучшим войнам сёгуна, что впечатлит даже самого сёгуна.

Отстаивание своей чести способно вызвать уважение даже у противной стороны. Камакурский правитель говорил так: «И братья Сога были храбры, и этот монах тоже был страшен в своей решимости. Почему-то все из их рода сильны и смелы! Недостойного среди них не было ни одного, и как же их жаль! А если б осыпал их милостями - как знать, может, отступились бы они от мести! Скорблю, что погибли они, не видев наград от меня!» [2, с.328]. Доблесть семейства он оценил по достоинству.

Когда с Сукэцунэ было покончено, братья не нанесли останавливающий удар, который, по словам Дзюро, наносится, когда не уверены в смерти, в ответ на что Горо ответил: «Нет - нет, дело совсем не в этом! Это правило, как нужно убивать врага. Когда потом будут расследовать дело, скажут: "Они убивали впопыхах, и не нанесли останавливающий удар» [2, с.286]. Это нужно было сделать, чтобы их не посчитали какими-то бандитами и поняли, что дело было профессионально спланировано, чтобы не запятнать свою честь.

Иногда забота о чести способна остановить безрассудный поступок: «Гора Идзу издавна славится своей сильной монашеской общиной. Если бездумно нападу, то ослаблюсь в веках!» [2, с.110]. Стремясь сохранить свою честь, Канэтака не стал нападать на монахов, так как понимал, что битву он не выиграет.

Понимание важности чести для самурая присутствует у близких к ним лиц, так что они даже не пытаются препятствовать действиям, нацеленным на достижение результата. Женщина Дзюро сказала ему: «Какой бы несмышлёной женщиной я ни была, разве сказала бы я хоть слово другим о таком важном деле! Вы так увлечены этим, что отказались от матери, которая одна на этом свете, и

что ни придумывай, такая недалёкая женщина, как я, остановить вас не в силах» [2, с.202]. Даже Тора поняла, насколько важно это дело для братьев и, несмотря на свою огромную любовь, не стала останавливать их, а особенно своего возлюбленного Дзюро, так как понимала, что, если они не исполнят задуманное, то запятнают свою честь.

В будосёсинсю относительно чести приведены следующие строки: «молодые должны оставаться преданными господину и стойко исполнять свой долг, отдавая этому все силы. Если же они уронят честь самурая и отступят от верности и долга, то душа его даже из царства теней отречется от них» [1, с.54]. В данном случае мы можем видеть, что самурай, уронивший честь, будет недостоин даже загробного мира. Но именно враг является неким “Моральным компасом” для самурая, ведь именно враг может рассказать о человеке всю правду, и мысли самурая, которые направлены именно на врага и боязнь опозорить себя перед ним, и толкают его к выполнению всех требований самурая. Также, в хагакурэ, мы можем увидеть строки и о моральном упадке молодых людей: «Молодые люди в наше время так сильно увлечены материальными приобретениями. Ведь у людей с материальными интересами в сердце нет чувства долга. А те, у кого нет чувства долга, не дорожат своей честью» [6, с.106]. В данном отрывке из хагакурэ мы можем увидеть, что честь самурая делает именно отрешение от материальной жизни, ведь он должен быть в своих желаниях сдержан, и именно сдержанность является признаком чести самурая. Мы можем увидеть, что самураи в повести ведут себя в соответствии с Бусидо, всегда перед своими действиями и поступками они опираются на то, что будет с их честью, не испачкают ли они её? Мы можем заметить: именно это желание не опозориться и двигает сюжет всей повести. В конце мы можем увидеть эпизод, в котором сёгун хотел пощадить Горо, но поняв, что это запятнает его честь, так как он простил того, кто осмелился дерзнуть и убить его приближённого, что развязало бы руки другим, всё-таки решился на казнь, чего не очень хотел, из-за чего в дальнейшем не взимал с родной деревни братьев налоги.

2.2.4. Отношение к мести

Идея мести за смерть своего отца является центральной для сюжета «Повести о братьях Сога». Однако, на момент происходящих в повести событий ситуация в стране меняется и никто не даст братьям Сога спокойно совершить месть. Об этом нам могут сказать строки из самого произведения.

Братья обращаются с прошением к божествам: «Поскорее ниспошлите нам голову нашего врага! Если же невозможно исполнить по молитвам нашим, убейте нас обоих ещё до того, как покинем храм!» [2, с.232]. Или, в другом месте: «Смиренно молим великого светлого бога: Изволь отомстить нам! Склоняемся перед тобой - пусть дети твои и посланцы отдадут нам голову Сукэцунэ! Сегодня уйдём мы, и с пустыми руками на восток от горы Хаконэ и уже не вернёмся!» [3, с.239-240]. Единственное, что просят братья - это смерть их врага. Их не интересует благополучие матери (ей они лишь оставят письмо), так как они не вернуться домой после этого и матери будет некому помогать, а интересует только смерть врага.

При этом все вокруг пытаются отговорить их от этой затеи: «Нет-нет, сейчас, когда миром правит Камакурский правитель, никто не может по своей воле отомстить пусть и исконному врагу..... Представьте его государственным преступником, тогда и справитесь с ним» [2, с.161]. Сукэцунэ - это приближённый Сёгуна. Отомстить ему простым способом не получится, это будет очень жестоко караться, на что Кодзиро советует от мести отказаться. Тут же видим, что братьев это не страшит, и они готовы всё равно мстить своему врагу, прекрасно понимая, что, вероятно, из этой затеи живыми они не выйдут.

Отношение к мести может быть отрицательным с буддистской точки зрения. В дном из эпизодов высказывается жена, муж которой был убит: «Как вышла замуж, не смела ослушаться мужа, служила ему утром и вечером, родила ему мальчика и девочку. В тридцать семь лет на него ночью напали, убили его и детей. В позапрошлом году я неожиданно увидела головы моих врагов. Радость моя была выше небес. А сейчас я думаю, что это был грех. Мысли мои были

дурны. Сейчас только и возглашаю имя будды во спасение мёртвых, так и живу» [2, с.186]. В данном эпизоде можем увидеть, что мысли о мести посещали вдову и занимали значимое место в её жизни, однако по прошествии времени она поняла, что месть не решает проблем и не уменьшает страданий, а наоборот лишь увеличивает их количество, вследствие чего мы можем увидеть, что вдова даже начала молиться за души мёртвых, чтобы те обрели покой после смерти.

Вот что об этом нам говорит хагакурэ: «Одного человека пристыдили за то, что он не отомстил. Зачастую месть заключается в том, чтобы просто ворваться к врагу и быть зарубленным. Это не постыдно. Если же ты думаешь, что должен вначале завершить свои дела, а потом мстить, время для мести никогда не настанет» [6, с.100]. Отсюда мы можем сделать вывод и по поводу поведения братьев в эпизоде, когда они уезжали из дома, и почему не ушли, пока была возможность, ведь быть зарубленными не постыдно, ведь главное - это сама попытка мести и ей стоит уделить все свои помыслы. Также стремление как можно быстрее отомстить отражено и в следующих строках: «Если ждать согласия со стороны других, такое дело, как месть, никогда не будет доведено до конца. Нужно действовать сразу же и без колебаний, даже если это значит идти на верную смерть. Человек, который призывает других к мести, но не торопится отомстить, - это всего лишь лицемер» [6, с.195]. В этих строках мы можем увидеть, что нужно действовать самому, когда стремишься совершать месть, не пытаясь получить ни от кого благословения.

2.3. Отражение в «Повести о братьях Сога» отношения самураев к социальным связям

2.3.1 Отношение к господину

Вассалы не могут перечить своему господину даже в том случае, если его приказ имеет чрезвычайный характер. Сукэцунэ подговорил своих двоих подданных на убийство своего родственника: «Проявите свою верность мне, пустите в него стрелу на охоте. Если сбудется моё желание, то не забуду о

благодарности и наградах для вас и в будущих жизнях”. На что его подданные ответили ему: ”...и если вы надеетесь на нас и приказываете помочь вам, то мы будем верны и с нынешних пор будем ждать случая, пустим стрелу и положим за вас наши жизни» [2, с.43]. Подданные Сукэцунэ знали о том, что их цель – родственник сюзерена, однако послушаться господина они не могли.

Слуги братьев Сога, не являющимися большими землевладельцами, показывают желание идти с господами до конца: «Если вы не возьмёте нас сейчас с собой, мы тут же при вас разрежем себе животы и пойдём вместе с вами во тьме, по путям того мира!» [2, с.279]. Братья Сога хотели отправить их домой к матери, однако слуги хотели остаться до конца со своими господами, что не пожалели бы своих жизней в случае отказа, так как они знали, что, вероятно, путь братьев там и закончится, с чем окончится и служба слуги, из-за чего последние теряют смысл своего существования.

Вассал должен быть верен своему господину, невзирая на то, в каком положении господин находится: «Средний военачальник Аривара-но Нарихира искренне следовал клятве вассала, которую дал когда-то и даже по такому снегу пришёл он в одиночку, так был он отзывчив. В тот момент когда принц Корэтака лишился прав на престол, он затворился и отдалился от земных и государственных дел, но его верный вассал всё равно остался верен клятве и пришёл к нему, даже когда у того не осталось совсем слуг при нём» [2, с.29]. В данном отрывке мы можем увидеть пример беззаветной преданности своему господину. Долг вассала, давшего клятву, с Аривары никто не снимал, потому что эта клятва могла быть разрушена только смертью его господина Корэтаки.

Весь кодекс самурая пропитан духом подчинения самурая своему господину и не только физически, то есть быть своему господину щитом и мечом, но и духовно, все помыслы самурая должны быть направлены на то, чтобы быть верным своему господину во всём, не быть излишне жадным и не требовать от своего сюзерена награды, пока тот сам не изволит её дать. Самурая даже не следует думать ничего плохого о своём господине.

Верность к господину приравнивается к сыновней почтительности. Господин для самурая становится отцом и ему необходимо оказывать те же почести, что самурай оказывает своему настоящему, или же приёмному, отцу: «Невозможно представить, чтобы человек был непочтителен к своим родителям и в то же время был предан своему господину. Ибо неспособный исполнить сыновний долг перед родителями, давшими ему жизнь, едва ли будет преданно служить господину, с которым он не связан кровными узами, из одного лишь почтения. Когда такой непочтительный сын поступает на службу к господину, он будет осуждать любые недостатки своего хозяина, а если он будет чем-то недоволен, то забудет о своей преданности и исчезнет в минуту опасности, или предаст своего господина, сдавшись в плен врагу» [1, с.17]. Мы можем увидеть, что слуги в повести абсолютно верны своим господам.

2.3.2. Отношение к родителям

Будосёсинсю гласит: «Тот, кто является самураем, должен вести себя в строгом соответствии с долгом сыновней почтительности. Каким бы способным, умным, красноречивым и добрым он ни был рожден, все это бесполезно, если он непочтителен. Ибо бусидо, Путь воина, требует, чтобы поведение человека было правильным во всем» [1, с.15]. В этом мы можем увидеть отражение конфуцианского идеала сыновней почтительности.

Сыновняя почтительность является одним из основных лейтмотивов «Повести о братьях Сога», что мы можем увидеть не только по отношению к отцу, но также и в отношениях с матерью. По Бусидо, именно сыновняя почтительность - основа самурайского менталитета, так как это учит самурая верности, так как из верности своим родителям в дальнейшем рождается новая форма верности - верность господину, который заменяет самурая отца, когда тот поступает к нему на службу.

В «Повести о братьях Сога» мы можем увидеть много примеров выражения сыновней почтительности, в основной массе своей, конечно же, к отцу, что выражается в следующих эпизодах.

Пятилетний Итиман поклялся перед телом своего отца, что как только стукнет ему 15 лет, он положит жизнь на то, чтобы отомстить за его смерть: «Будет мне хотя бы пятнадцать лет, и я пойду за головой Сукэцунэ, врага моего отца. Прошу вас бодхисаттвы Двух святилищ, Великое божество почитаемое в Мисима, бодхисаттва Фудзи-Сэнгэн, светлое божество Асигара, а особенно - божество нашего рода! Помогите мне своей силой! - с этими словами прижался он к телу своего отца» [2, с.72]. Его трёхлетний брат ещё не понимал смысл истории, рассказанной его матерью, однако старший всё понял и поклялся отомстить убийце своего отца или же умереть, попытавшись.

Самурай, заботясь о своём родителе, может участвовать в сражениях за ту сторону, к которой он не питает особой симпатии: «...Семейство Миура, которое поддерживало Ёритомо, приняло бой с Хатакэяма-но Дзиро Сигэтадой и разбило его войско. Он не был особенно верен дому Тайра, просто его отец Сигэёси тогда служил Тайра в столице, и Сигэтада, чтобы сохранить ему голову на плечах, решил выдвинуться к месту боя в Исибаси и потому сражался» [2, с.104]. Сигэтада не особо верен дому Тайра, однако он не может перейти на сторону Ёситомо, так как, как только весть о предательстве дойдёт до столицы, его отца тут же казнят, потому что тот несёт ответственность за поступки своего сына. Поэтому Сигэтада сражается скорее не за своего господина, а за своего сына. Если бы тот не находился в это время в столице, вероятно Сигэтада бы переметнулся на сторону Минамото.

В следующем эпизоде мы можем увидеть отношение сына к духу отца, который погиб в бою. За проявленную доблесть сына решили пощадить, на что тот ответил: «Вы очень милостивы ко мне. Но всё же я - сын человека, который был с вами жесток и стал вашим врагом, я обесславлен. Премного благодарен вам за вашу милость, за то, что сохранили мне жизнь, но об одном вас прошу - хочу сопровождать своего несчастного отца, идти с ним на горы, ведущие к смерти, к великой реке Сандзу, быть для него опорой и поддержкой. Окажите иную милость - поскорее отрубите мне голову!» [2, с.104]. В данном эпизоде сын

не страшился смерти, так как желание быть с отцом на том свете было сильнее страха.

Даже после долгих уговоров матери, чтобы они оставили мысли об убийстве того, кто виноват в гибели их отца, братья Сога её не слушали и продолжали обсуждать план своей мести: «Двое детей посмотрели друг на друга и зарделись их лица. С тех пор, хоть и говорили они тайком в таких местах, где никто не услышит, но на людях никогда не заговаривали об этом» [2, с.137]. Можно увидеть, что послушали они мать только “видом” но не оставили мысли о мести за отца.

В следующем эпизоде можно увидеть отношение сына к отцу, в особенности показывается отношение сына к отцовскому гневу и печаль по тому, что у Горо отца, что важно, настоящего, а не отчима, как такового не было, тот погиб, когда сын был ещё совсем маленьким, чтобы даже понимать смысл слов о мести, которые ему говорила мать: «Все вокруг собирают письма от отцов и матерей и читают их, а я за эти три года, что провёл на горе получал только письма от матери, и как мне обидно, что никогда я не видел следов кисти моего отца! Как зол я на Сукэцунэ, моего врага! Пускай хоть раз в год упрекнул бы меня отец: ”Учись хорошенько. Не вздумай лениться!” - как бы я не боялся отцовского гнева, даже это была бы радость для меня» [2, с.140]. Неизвестно, искренне он это говорил или это была просто зависть другим детям, которые письма от отцов получают, но видно, что Сукэцунэ воспринимается как личный враг, а не просто враг семьи или враг отца.

В следующем эпизоде мы также видим отношение к отцу: «Пускай сейчас ничего не получится, но потом, спустя какое-то время, пусть он погибнет от моей руки, гонгэны! А если нет, то пните мою душу, как мячик!» [2, с.149]. Он готов положить всё на то, чтобы отомстить убийце своего отца, даже собственную жизнь, ну, а если не получится, хотя бы умереть, попытавшись.

В следующем эпизоде мы можем видеть отношение самураев к сыновнему долгу: «Если бы мы служили государю и получали награды, были знатны, тогда бы вели с собой лошадей и конюхов с торжественным видом. В том деле, которое

мы задумали, стыдиться не стоит. Это не поход за процветанием и славой. Возьмём с собой одного-двух слуг, чтобы несли соломенные накидки и еду, луки и стрелы оставим, захватим только мечи, затешаем в толпу тех, кто победнее, налегке будем передвигаться между станциями, главное для нас - ждать случая поразить врага» [2, с.175]. В данном случае мы видим, как самурай относится к своему долгу перед отцом. Чтобы выполнить свою цель и поразить убийцу их отца, который является близким приближенным сёгуна, им не нужно много слуг, потому что после выполнения плана они прекрасно понимают, что живыми уйти не получится, а зря тратить жизни своих подданных им не было нужно.

В следующем эпизоде мы можем увидеть отношение самураев к отцу, идеи мести за него: «Если будем действовать решительно, то и Камакурского правителя остерегаться нам нечего, на охоте свои правила. И по поводу жилья можно не беспокоиться, не придётся ютиться в бедной хижине. Будет далеко - застрелим, окажется близко - зарубим мечами. Если дороги будут нам наши жизни, дождёмся случая. Если жаль погубить себя, поищем, как подобраться. В поместье Сога уже не вернёмся. Если враг не погибнет от нашей руки, если он заберёт наши жизни, то станем мстительными духами мёртвых, и будут поклоняться нам в святилище духов. Великим грехом будет остаться в мире живых, с утра и до вечера погрязая в нечистых мыслях» [2, с.192-193]. В данном отрывке опять же мы находим подтверждение того, что ради мести за своего отца братья готовы отдать всё, не исключая своих жизней.

В следующем эпизоде можем увидеть отношение к отцу: «Для меня, Токимунэ, кроме врага нашего отца, ничего важнее нет..... Не стоит много задумываться, а то потом сложно остановиться. Увидят нас люди из столицы или Камакуры, - будет ведь стыдно. И потом слуги, как обычно, после нашей смерти наймутся к другим, и неизвестно ещё к кому, - и будут тогда говорить: "Наши бывшие господа Сога, когда шли мстить врагу их отца, жалели о том, что потеряют свою жизнь, и на этой горе плакали, на этом перевале рыдали.» [2, с.226]. Из этого отрывка можно увидеть, что для выполнения своей цели не стоит

задерживаться дома, потому что может одолеть сомнение в своих делах, что может их отпугнуть от выполнения своей цели.

Далее по сюжету, мы снова можем увидеть отношение к долгу перед отцом: «Зная, что видятся в последний раз, обуреваемый печалью, лил слёзы разлуки и не мог понукать коня. Тора тоже, не в силах одолеть свои чувства, проговорила: "Прощайте!..."» [3, с.206]. Чувство долга по отношению к отцу, для Дзюро были намного выше, чем любовь. Связано это с тем, что связь между женщиной и мужчиной длится два перерождения, а с родителями - одно, о чём упоминается в «Сказании о Ёсицунэ»: «И вот что я решила: связь с родителями существует лишь в этой жизни, а связь с супругом длится и в предбудущей» [4, с.69]. Он знал, что в следующей жизни он снова встретится со своей любимой, тогда как с отцом он увидится теперь только в землях святого Будды Амиды.

В следующем эпизоде мы можем видеть отношение японцев к приёмному отцу: «Пускай правда была на его стороне, но забыть всяческие благодеяния и вдруг замыслить такое, - хотя бы немного подумал о том, что ждёт его в будущем! Во-первых, Сукэтика был его дядей. Во-вторых, приёмным отцом. В-третьих, тестем. В-четвёртых, как отец совершил он над ним обряд первой мужской причёски. За любое из этих благодеяний было трудно отплатить» [2, с.41]. Мы можем увидеть, что этот комментарий даёт сам автор повести, из чего можем судить, что отношение даже к названному отцу, так как Сукэтика проводил над ним обряд первой мужской причёски, было почтительным и Сукэцунэ, задумавший путём предательства вернуть себе все земли в своё владение, порицается автором самой повести, однако можно попробовать списать это на то, что всё-таки тот был для него приёмным отцом и он не испытывал к нему той же сыновней почтительности, как если бы тот был для него родным.

В следующем эпизоде мы можем увидеть отношение к отцу, которые произносит настоятель: «Государь почитаем, но не близок. Мать близка, но не почитаема. Почитаем и близок отец, и вот эти братья, решив отплатить почитаемому и близкому отцу за его милости, презрели тело своё и отдали

жизни. А что ещё более печально - бывают ведь братья недружные, хоть и рождены от одной матери, а эти двое следовали друг за другом, как тень следует за отбрасывающей её вещью, ещё с юных лет, когда ездили они на бамбуковых лошадах, и до последнего своего дня, а таких примеров немного» [2, с.340]. Из этого эпизода мы видим, что отношения к родителям всё-таки разные, отец всё же более близок и почитаем чем мать и об этом говорится напрямую в тексте.

В следующем эпизоде мы можем увидеть отношение японцев к родителям: «Не ведала она что ей делать, если ехать, то придется расстаться с любимым, а если откажется ехать, будет это грех перед родителями.» [3, с.104]. Тяжёлый эпизод, в котором девушке придётся выбирать между любовью и долгом перед родителями. В данном эпизоде мы можем увидеть, что дочь переживает о том, что её поступок будет расценен как грех перед обоими родителями.

В следующем эпизоде мы можем видеть отношение самураев к родителям: «Из шести родичей и девяти видов родства есть ли любовь более сильная, чем связь родителей и детей? Всё наше тело мы получаем от отца и матери; руки, ноги, плоть и кости - часть родительского тела отделившееся от них..... И бывает ли горе, которым можно сравнить чувства Сукэтики, потерявшего взрослого сына?» [2, с.69]. Хотя по мнению японцев связь родителей и детей длится всего одну жизнь, в отличие от связи самурая и его господина, которое длится в трёх, что упоминается в «Сказании о Ёсицунэ»: «Полагают, что узы с родителями делятся одну только жизнь, а узы с господином связывают в течение трех жизней» [4, с.202]. Но связь отца и матери с их детьми самая сильная. Подтверждение этим словам мы опять же находим в будосёсинсю: «Самурай же понимает, что родители подарили ему жизнь и что он - часть их плоти и крови. И именно из преувеличенного самомнения возникает порой пренебрежение к родителям» [1, с.15]. Из вышеописанного мы можем сделать вывод, что самурай должен быть сдержанным по отношению к себе, так как слишком высокое самомнение приводит к тому, что сын начинает относиться к своим родителям непочтительно, что является нарушением сыновней почтительности, одного из столпов конфуцианства.

В следующем эпизоде мы можем увидеть отношение самого автора повествования к семье. Ёйти, обиженный на то, что Горо сказал: «Очень жаль, что ты советовался с таким глупцом! Его и человеком то считать нельзя, а ты ему рассказал о таком деле!» На что тот подумал: «Раз вы так, поеду-ка я в Камакуру, доложу на самый верх и тем отплачу за оскорбление!» [2, с.195]. На что автор в конце его размышлений добавляет «Какая жалость!» Однако уже далее по сюжету мы можем увидеть, что Ёйти передумал, после уговоров Хатакэямы: «Что ж это ты, господин Ёйти! Такие жестокие вещи изволишь говорить. Хорошим воином называют того, кто способен глубоко сопереживать. Искренне веря, что на тебя можно положиться, они пришли к тебе посоветоваться, не в силах избыть боль, терзавшую их долгие годы, а ты не только ничем не помог им, но даже хочешь предать их, о чём они не могли и помыслить, - как их жаль... Ты одумайся, да и мы, заботясь о том, что скажут о нас после, не можем не помочь, хоть и остались бы у нас один лишь сын или единственный вассал. И тебе в том стыда не будет. А если кто потом услышит о том, что ты делаешь, то не будет таких, кто не щёлкал бы ногтями с досады за тебя.» [2, с.196-197]. Сигэтаде удалось надавить на совесть Ёйти и тот отказался от своих замыслов, однако в этом эпизоде, скорее, он стал переживать за свою репутацию как предателя своей семьи, поэтому отсёк эти мысли.

В будосёсинсю относительно верности семье есть следующая цитата: «Невозможно представить, чтобы человек был непочтителен к своим родителям и в то же время был предан своему господину. Ибо неспособный исполнить сыновний долг перед родителями, давшими ему жизнь, едва ли будет преданно служить господину, с которым он не связан кровными узами, из одного лишь почтения» [1, с.17].

Как можно увидеть, не во всех примерах японцы следовали тому, что написано в бусидо, иногда властолюбие и корысть толкали их на предательство даже родных и близких. Основная завязка «Повести о братьях Сога» состоит в предательстве из-за того, что Сукэцунэ не достались земли, которые перешли его родичу. При этом отношение к отцу было более почтительным, чем к матери, что

не раз мы можем видеть по ходу всего произведения. Примечательно, что братья Сога по ходу произведения делали выбор в пользу сыновнего долга по отношению к умершему родному отцу, даже осознавая, что за их преступные деяния будет наказан их неродной отец.

Глава 3. Отражение в «Сказании о Ёсицунэ» особенностей идеологии японских самураев

3.1. Сюжет «Сказания о Ёсицунэ»

«Сказание о Ёсицунэ» начинается с рассказа о том, что отец главного героя, Минамото-но Ёситомо, императорский конюший из Симоцукэ, что не раз будет упомянуто в произведении, который в союзе с Фудзивара Нобуёри, начальником воротной стражи, подняли в годы Хэйдзи мятеж, в декабре 1159 г., были разгромлены в столице, и отец главного героя бежал на восток, где и погиб через год после начала своего мятежа. Жена Ёситомо, Токива, после небольшого периода бегства от преследования со стороны Тайра, в обмена на жизнь своих детей, Ёритомо и Ёсицунэ, становится любовницей Тайра-но-Киёмори. После этого детей разделяют, а Ёсицунэ отправляется в монастырь.

Спустя несколько лет прилежного занятия науками, у юного Ёсицунэ, благодаря рассказу о своём роде от странствующего торговца Китидзи Мунэтака, в голове начинают укрепляться мысли о мятеже против ненавистного дома Тайра, и благодаря этому же торговцу в возрасте 16 лет главный герой сбегает из монастыря, по пути хитростью завладев свитками с секретами воинского искусства.

Едва покинув свою обитель, герой сразу же начинает совершать подвиги. На постоялом дворе Кагами он справляется с бандой разбойников. Позднее он совершает обряд совершеннолетия и берёт себе имя Ёсицунэ (до этого его именами были Усивака и Сянао, данные ему в монастыре). Далее происходит судьбоносная встреча: главный герой встречается с Бэнкэем. В этом эпизоде Бэнкэй бесчинствует, отбирая у воинов их мечи, и прекрасный меч Ёсицунэ должен был стать сотым в его коллекции, однако, в двух поединках он терпит поражение и, восхищенный воинским искусством Ёсицунэ, становится его верным последователем.

Далее по сюжету происходит встреча с братом, Минамото-но Ёритомо. Ёсицунэ получает от брата первое боевое задание. Однако главным триумфом

протагониста станет знаменитая битва при Данноура 1185 года, в которой войска Минамото одержали блестящую победу. Битва заканчивается гибелью императора Антоку. Во время сражения Ёсицунэ, спасаясь от преследования разъяренного Норицунэ, сына Тайра-но Норимори, перепрыгивает на другой корабль. Данный эпизод впоследствии станет сюжетом для многих гравюр.

После того, как войска Минамото одержали верх при Данноура, Ёсицунэ и взятые им в плен Тайра Мунэмори и его сын Киёмунэ отправляются в Камакуру, будущую резиденцию Ёритомо. Таким образом, Минамото Ёсицунэ сыграл огромную роль в борьбе кланов Минамото и Тайра. Он вошел в историю как одаренный полководец, одержавший ряд важнейших сражений, обусловивших конечную победу его брата.

Основная часть «Сказания» включает в себя интригу размолвки протагониста с неким человеком, приближенным к его брату, по имени Кадзивара, который оклеветал Ёсицунэ перед Ёритомо и возбудил в том недоверие к своему брату. Можно предположить, что Ёритомо Минамото отлично понимал измененность мотивов, двигавших завистником Кадзивара. Но Сёгуну было выгодно делать вид, что он всего лишь доверчивый правитель. Сёгун, вероятно, знал, что его брат не готовит никакого заговора. Но он понимал, что тот может предпринять попытку мятежа, несмотря на преданность ему. Мог найтись смутьян, недовольный правлением сёгуна, который мог подбить Ёсицунэ на мятеж, как это уже произошло в отношении Тайра.

Большая часть «Сказания» посвящена преследованию главного героя братом, которому Ёсицунэ оказал огромную помощь. Самое главное, что выделяется в повести, - помощь эта была бескорыстной, так как Ёсицунэ не требовал ничего сверх того, что ему полагалось, хотя и нельзя сказать, что протагонист не был падок на личную воинскую славу. Но это не то, за что можно было бы его осудить.

Вторая часть повествования посвящена скитаниям Ёсицунэ, тому, как ему пришлось расстаться со своей возлюбленной Сидзукой. В одном из эпизодов покажут, как Ёритомо прикажет убить ребёнка своего брата, дабы не повторять

ошибку Тайра, которые пощадили Ёсицунэ, и тот в конечном итоге уничтожил весь их клан.

Заключительная часть «Сказания» посвящена последним моментам жизни главного героя и его верных приближенных. В последней главе, как настоящий образец самурайской доблести и чести, предстает один из самых известных персонажей данного произведения, Бэнкэй, который до самой смерти стоял у покоев своего господина, пока тот совершал самоубийство. Один из самых запоминающихся моментов повести - это израненный и истерзанный Бэнкэй, который “закостенел” с алебардой в руках, но, даже мёртвый, он вселял ужас в своих противников. Помимо Бэнкэя, на стороне Ёсицунэ до последнего оставался и Исэ Сабуро, который, в пылу битвы сразив многих врагов, сам получил смертельную рану и, дабы не опозорить свою честь, совершил самоубийство. Финальным эпизодом повести становится ритуальное самоубийство самого главного героя. Вслед за ним отправляются его жена и сын, лишиться жизни которых выпала “честь” его верному вассалу Канэфусе. Заливаясь слезами, тот выполнил приказ госпожи, после чего последним приказом умирающего Ёсицунэ было повеление поджечь дом.

Кончается же повесть тем, что во время доклада о смерти Ёсицунэ Ёритомо приходит в ярость: «Все они там отъявленные негодяи, – сказал на это Камакурский Правитель. – Они знали, что это мой брат, и всё же, сославшись на высочайшее повеление, запросто убили его. Экая дрянь!» [4, с.282]. После этого Камакурский Правитель собирает карательный поход, для наказания детей Хидэхиры, правителя края Осю, который приютил Ёсицунэ и его приближённых, перед смертью завещавший сыновьям всем помогать Ёсицунэ. Завещание своего отца они нарушили, за что и были наказаны. Последняя фраза повести нам это подтверждает: «Помнить надлежит: богиня Кэнро отвергает тех, кто нарушает замыслы и последнюю волю отцов своих, достигших силы и славы праведными путями!» [4, с.282].

Авторы произведения не оставались беспристрастными к излагаемым ими событиям, ввиду политической заинтересованности или же собственной

эмоциональной привязанности. Повествование обрастает новыми подробностями, дабы произвести на слушателей большее впечатление, сгущаются краски, приукрашиваются истории, а то и главные персонажи. Благодаря этому, события приобретают дополнительные детали, появляются преувеличения, направленные на то, чтобы сделать акцент на более яркие и зрелищные моменты, которые подчеркивают доблесть, или же другие качества, главного героя повествования. Вследствие чего реальная историческая информация может быть потеряна, из-за чего сложно будет отличить реальный исторический факт от вымысла. Недостоверная информация была потом воспроизведена в других источниках, таких как «исторические» хроники, в анонимных рассказах отоги-дзоси, в «исторических» театральных пьесах, в произведениях живописи и гравюры укиё-э, что не является доказательством достоверности данной информации. Поэтому следует иметь в виду, что Ёсицунэ - персонаж японской исторической традиции, которого нельзя отождествлять с реальной историей в её научном понимании.

В «Сказании о Ёсицунэ» можно увидеть элементы эпического сюжета, как, например, момент рождения одного из главных вассалов Ёсицунэ Мусасибо Бэнкэя: этот персонаж рождается только на восемнадцатом месяце и выглядит как двух-трехлетний ребенок с волосами до плеч и зубами во рту. Данный момент скорее направлен на то, чтобы показать особенность героя и его значимость для произведения, что не имеет под собой какой-то исторической подоплеки.

Так же литературным преувеличением является момент со свитком, который Ёсицунэ берёт после своего бегства из монастыря, по произведению благодаря ему главный герой обретает все секреты военного мастерства. Литературным преувеличением является допущение мысли о том, что благодаря свитку можно развить в себе особое воинское искусство. Кроме того одним из главных вопросов становится внешность главного героя. Доподлинно неизвестно, какой внешностью обладал Ёсицунэ, насчёт этого есть две теории. Первая теория гласит, что Ёсицунэ был красив, что подчёркивается в самом

«Сказании о Ёсицунэ». В «Нихон Гайси» Ёсицунэ описан следующим образом: «ростом он был невысок, сложением мал, очень подвижен и неустрашим; лицо у него было бело, зубы обнаруживались» [33, с.167] В основном же, теория о его «некрасивости» подтверждается словами в «Повести о доме Тайра», которые произносят воины Тайра перед битвой при Данноура: «Куро лицом бел, ростом мал, зубы торчат вперед – по этим признакам можно его узнать», «Каким бы храбрым он ни был, – опять сказал Кагэкиё, – на что он способен, этот молокосос-коротышка!...» [3, с.521]. Наиболее отталкивающей частью характеристики можно считать «торчащие зубы». Поскольку «Повесть» является источником, более приближенным по времени написания к происходящим событиям, то этой причине считается более достоверным.

3.2. Отражение в «Сказании о Ёсицунэ» отношения самураев к мировоззренческим проблемам

3.2.1. Отношение к чести и долгу

Храбрость для самурая является одним из главных качеств, которое помогает ему, независимо от успеха в сражении, идти вперёд и не бояться опасностей, при этом нельзя сказать, что не обладающий храбростью как-то презираем обществом или своим господином, потому что это чувство закаляется в боях с противниками господина. Огромное количество проявлений храбрости и беспрекословной верности своему долгу мы можем увидеть в «Сказании о Ёсицунэ».

Самурай ради чести готов расстаться с жизнью: «Сёдзё дорожит своей кровью, зверь сай дорожит своим рогом, а японский воин дорожит своей честью. Если вы отпустите меня живым, как покажу своё лицо сотоварищам? Одна милость от вас мне потребна: отрубите мне без промедления голову» [4, с.129]. Так как Тосанбо сначала дал клятву Ёсицунэ, а потом её нарушил, он потерял своё лицо, а сохранение своей чести было главным для самурая, вследствие чего единственное что мог принять опозоренный Тосанбо, это смерть.

Выполнение приказа господина – и долг, и следование чести: «Между тем враги на лодках, загородившись щитами, подплыли на расстояние полёта стрелы, и их предводители Тэсима Курандо и Кодзукэ Ханган закричали: – Послушайте нас! Нам ведомо, что это корабль господина Судьи Ёсицунэ! С вами говорят Тэсима Курандо и Кодзукэ Ханган! Мы выполняем приказ Камакурского Правителя, и знайте, что под страхом потери воинской чести мы нипочём не позволим вам, изгоям, вступить на эту землю!» [4, с.141]. То есть, послушаться приказа брата Ёсицунэ, Ёритомо, было нельзя было послушаться не потому, что это как-то наказывалось (что естественно), а под страхом именно потери чести, о чём прямо говорится в произведении.

Один из героев «Сказания...» показан взвешивающим все аргументы в пользу совершения нестандартного действия: «И сказал Кадзивара Сабуро: – Я всё понял. Однако я приехал в столицу по важнейшим делам дома Кадзивары на три года, а сейчас пошёл только второй год. Меж тем отбывающему в столицу не дают два поручения разом. Потому и нет у меня повеления убить Таданобу. Если даже я из жадности и вступлю с ним в бой, выказывая тем верность своему господину, никакой награды мне не будет, ибо не было на то мне приказа. А если я к тому же бой проиграю, это ляжет позором на весь мой род. Так что я не пригоден к такому делу. Поищите того, кто ненавидит Таданобу сильнее» [4, с.184]. Кадзиваре был дан чёткий приказ в столице, и убийство Таданобу в него не входило, поэтому взяться за данную просьбу было бы нарушением воли господина, что для самурая было непозволительно. При этом самурай не забывает и о чести, причём не только своей, но и своего рода, так как неудача в совершении покушения ляжет позором не только на него.

Ёсицунэ готов пожертвовать жизнью в ситуации, когда, казалось бы, можно было просто убежать и выжить, но убежать - значит запятнать свою честь и потерять лицо, что для самурая было непозволительно. «Грабители не знали, сколь страшен этот юноша. Решив, что это всего лишь «разрушительница крепостей», с которой коротал ночь Китидзи, они отпихнули его за ширму и двинулись дальше. Сяна-о подумал: «Что толку жить, если тебя не считают

достойным противником? Сколь прискорбно будет, если скажут когда-нибудь, что вот-де сын Ёситомо по имени Усивака, замыслив мятеж и отправившись в край Осю, встретил по пути на станции Кагами разбойников и убоился за свою бесполезную жизнь, а потом ещё, глядите-ка, замышлял против самого Тайра Киёмори!» И ещё он подумал: «Мне ли бежать от боя?», выхватил из ножен меч, бросился вслед за разбойниками и очутился между ними» [4, с.45]. Ёсицунэ вступил в неравный бой, который, к счастью для него, окончится его победой.

Раненый Какухан, вполне вероятно, проигрывая сражение, отказался от помощи своих воинов, так как это было бы вопиющим нарушением самурайского кодекса: «Это ещё что такое? Как смеете буйствовать, монахи? Когда сражаются военачальники, надлежит вам стоять в стороне и смотреть! Или вы хотите, напав скопом, опозорить меня на всю жизнь? Смертельными врагами станете мне – и в будущих рождениях тоже!» [4, с.167].

Более достойной является смерть от своей руки, нежели от руки врага: «” Будет досадно, ежели скажут потом, что это враги сожгли меня заживо. Пусть лучше скажут, что я сжёг себя сам”. Он схватил ширму, поджёг её и поднял огонь к потолку» [4, с.143-144]. Из этого эпизода мы можем понять, почему было принято решение поджечь себя: потому что умереть без битвы - позор, а совершить самопожертвование - нет.

Представления о допустимом поведении для самурая связаны с древностью его рода и знатностью происхождения: «Слыхал я, что предок твоего господина стал вассалом во время Второй Трехлетней войны. За ним шёл его сын Иэхира, за ним его внук Такэхира, за ним его правнук Хидэхира. Получается, что всего лишь пять поколений рода твоего господина были в вассалах у Минамото. Мы же, Судзуки, служили этому роду веками! Ты для меня никудышный противник. Но для воина противником должен быть всякий, кто выступает против него. Так уж и быть!» [4, с.273]. Мы видим, что Судзуки Сигэиэ не очень хочет вступать в поединок, так как самурай должен искать себе соперника по “рангу”, так как вступать в бой с противником, который ниже тебя - позор.

Однако, так как поединок - это в любом случае достойно, он помчался на своего соперника.

Забота о том, чтобы смыть с себя позор, диктует и такой способ поведения, как брань в адрес противников, правда, речь идёт о монахах: «“Так вот оно что! – подумал он. – Ну, после такого позора мне здесь и часу нельзя оставаться. Пойду-ка я отсюда куда глаза глядят!” Однако, поразмыслив, он подумал так: “Не годится только, что во мне унижено священное имя горы Хиэй. Сперва разругаю здесь всласть всю братию, правых и виноватых, а кто попробует пикнуть в ответ, того проучу по-свойски. Смою с себя позор и тогда уже уйду отсюда”» [4, с.85]. Бэнкэй понимал, что он опозорен и ему нужно уйти из храма, однако за поруганную честь следовало ответить и защитить её, что он и сделал, после чего удалился.

Выполнение долга может придти в противоречие с долгом по отношению к родителям. Коллизия, тем не менее, разрешается так: «” А если разобраться, – подумал Тосабо, – так пусть он приказывает хоть отцу родному голову срубить. В битве между великими не пристало самураю жалеть свою жизнь”» [4, с.115]. Хоть мы и видели ранее, что отношение к родителям и семье у самураев было крайне почтительным, но когда дело доходит до битв и власти, в ход идут и братоубийства, что наглядно продемонстрировал Камакурский правитель в данном эпизоде.

Стремление к демонстрации воинской доблести и чести для самурая в некоторых случаях может быть выше, чем подчинение приказу господина: «Видя всё это, Судья Ёсицунэ произнёс: – Катаока, его надо остановить. Крикни ему, что нельзя брать на душу столь великий грех. И Катаока крикнул Бэнкэю: – Эй, слушай приказ господина! Не бери на душу свою столь великий грех! Бэнкэй же, услышав его, крикнул в ответ: – Я так до конца и останусь незрелым монашкой, ты понял меня, Катаока? Так что оставь приказ господина при себе! Вперёд, Хитатибо! На бой!”» [4, с.143-144]. Бэнкэй послушался приказа Ёсицунэ, чтобы заработать славу на поле боя, что в обычной ситуации, то есть не в сражении, Бэнкэй никогда бы не сделал, однако мы можем видеть, что, если есть

возможность заработать славу на поле битвы, самурай не упустит возможности проявить себя.

Честь свою самураю необходимо защищать на поле боя: «“А ещё говорят, будто воины Ясухиры всегда помнят о чести! – закричал Судзуки. – Как же ты показываешь спину честному противнику? Остановись, негодяй! Стой!”» [4, с.273]. Можно понять, почему Судзуки вышел из себя. В бою нельзя показывать спину противнику - это позор, что для воина непозволительно.

Будосёсинсю гласит: «Рожденный храбрым спокойно бросится в битву под стрелы и пули. Исполненный верности и долга, он сделает свое тело мишенью и будет спешить, являя своей исключительной доблестью прекрасный пример для очевидцев. С другой стороны, может быть и такой, у кого при виде опасности дрожат колени и сердце, но он идет вперед, ибо стыдится оказаться единственным среди своих товарищей, кто дрогнул в наступлении, он боится потерять лицо. Так он укрепляет свою решимость и спешит вслед за храбрецом. Хотя он значительно слабее рожденного отважным, но после нескольких битв он привыкает и обретает опору, так что со временем его храбрость укрепляется и он становится воином ничуть не худшим, чем рожденный бесстрашным» [1, с.25].

В найденных отрывках мы можем увидеть, что не всегда самурай поступает так, как должно. Отчётливо видно, что самураем могут руководить корыстные мотивы и чувство страха. Для завоевания личной славы на поле битвы могут нарушаться указы господина, что иногда приводило к плачевным последствиям.

3.2.2. Отношение к смерти

«Сказание о Ёсицунэ» даёт нам много примеров правильного отношения самураев к своей смерти, как, например, следующий эпизод: «Ваше суждение почтительно выслушал. Но когда осенью третьего года Дзисё мы с братом

покидали край Осю, правитель Хидэхира сказал нам: «Отныне, вверив жизни ваши господину, возвышайте имя своё в веках. Коли придёт весть, что вы пали, пронзённые стрелами, я буду всем сердцем истово молиться о вашем блаженстве в грядущем рождении. Награды же в этой жизни за подвиги ваши – а вы их свершите! – на усмотрение господина». Так он говорил. Он не сказал: «Возвращайтесь живыми». И хотя матушка наша осталась одна в Синобу, мы сказали ей на прощанье только, что видим её в последний раз. Воин привык думать: сегодня его, завтра меня, и так будет со всеми. Вы слишком принимаете это к сердцу, господин, так пусть же кто-нибудь убедит вас!» [4, с.157]. В данном отрывке мы можем видеть отношение самурая к смерти, так как он уже ясно дал понять и Ёсицунэ, и самому себе, что готов принять смерть. Помимо этого мы можем увидеть отношение самурая к своему господину, так как он готов отдать свою жизнь ради того, чтобы Ёсицунэ смог уйти.

Самурай относится к жизни философски и готовится встретить смерть в любой битве, в которой ему приходится участвовать: «Что имеет начало, то имеет конец. Всё живое неизбежно гибнет. Приходят сроки, и их не избежать. Я был готов к смерти у Ясимы, на земле Сэтцу, в бухте Данноура у берегов Нагато, в горах Ёсино, но ещё не исполнились тогда мои сроки, потому я и дожил до этого дня. Пусть так, но глупо было бы мне пугаться, что последний час наконец пришёл. Умру же я не собачьей смертью!» [4, с.186]. Таданобу уже был готов к смерти, ещё когда начались его походы с Ёсицунэ, как в принципе в любой момент, как и гласит кодекс самурая. Даже когда его окружили враги, он не боялся умереть, а боялся только попасть к врагам живым, потому что понимал, что под пытками может выдать, где скрывается его господин.

По будосёсинсю и хагакурэ мы знаем, что самурай всегда должен быть готов к смерти. Будосёсинсю буквально обращено к тому, чтобы самурай никогда ей не пренебрегал, об этом нам говорят и следующие строки: «Каждый самурай, большой или малый, высокого ранга или низкого, должен прежде всего думать о том, как встретить неизбежную смерть. Как бы ни был он умен и

талантлив, если он беспечен и недостаточно хладнокровен, а потому, оказавшись лицом к лицу со смертью, выглядит растерянным, все его предыдущие добрые дела потеряют свой смысл, а все порядочные люди будут презирать его, и на него ляжет несмываемое пятно позора» [1, с.52-53].

Буси не должен бояться смерти, потому что лепетание перед ней - это позор, а, как уже говорилось ранее, отношение самураев к своей чести - такая же основа самурайского мировоззрения, как и готовность, психологическая и физическая, к смерти.

3.3. Отражение в «Сказании о Ёсицунэ» отношения самураев к социальным связям

3.3.1. Отношение к господину

Смысл служения господину исходит из чувства сыновней почтительности, и, как уже говорилось ранее, этот долг по отношению к отцу, после поступления на службу, трансформируется в долг по отношению к господину и тот заменяет собой отца для самурая.

«Сказание о Ёсицунэ» даёт нам много примеров беззаветной преданности своему господину.

Верность вассала не должна зависеть ни от каких обстоятельств и выдерживать проверку временем: «А между тем за эти годы мир покорился дому Тайра, почти все Минамото погибли, те же немногие, кто уцелел, были схвачены и рассеяны по разным краям. Об этом я был наслышан, но понятия не имел, где они теперь проживают, и никак не мог никого из них навестить. И вот наконец-то я вижу перед собой своего господина, о котором так тосковала душа моя. Потому ли так вышло, что связь между господином и вассалом длится три жизни, поверьте мне, это сам бодхисатва Хатиман predetermined нашу встречу» [4, с.57]. Исэ Сабуро первый раз в жизни встретил Ёсицунэ, но так как тот происходил из семьи, которая является даймё, Сабуро был обязан присягнуть

ему на верность и отправиться с ним для того, чтобы поддерживать его во всех начинаниях, а, в особенности, для выполнения его основной цели, мести клану Тайра.

Ради сохранения жизни господина самураи были готовы пожертвовать своей собственной: « – Если тяжело, уходи. – Коль вышел на поле боя, то рана – удача, а смерть – обычное дело. – Изрядный малый! – произнёс Ёсицунэ. – Этак мы выстоим с тобой вдвоём» [4, с.124]. Подчинённый Ёсицунэ после просьбы своего господина не оставил его, а продолжил стоять с ним плечом к плечу, до победного конца.

Самураи могут сами лишиться себя жизни по разным причинам, но на почётном месте среди них находится верность господину: «Жалкими дурачками показала сейчас себя вся эта твоя молодёжь из Идзу и Суруги, не ожидал я такого; но ты на время забудь о них и посмотри, как вспорет себе живот настоящий храбрец. Воин из Восточного края убивает себя в знак верности господину, из-за нежданной беды или чтобы не дать врагу отрезать голову, и пусть это будет примером для всех» [4, с.189]. Считается, что вскрытие живота осуществляется в целях показать чистоту и незапятнанность своих помыслов и устремлений, как доказательство своей внутренней правоты, крайним оправданием себя перед небом и людьми.

Самурай защищает честь господина от обвинений в малодушии: «Когда монахи надвинутся, я буду стрелять до последней стрелы в колчане, а когда колчан опустеет, я меч обнажу, чтобы вспороть себе живот. И скажу я им: «Вы полагали, что я и есть Судья Ёсицунэ? Я ведь всего лишь его верный вассал и зовусь Сато Сиробёэ Таданобу. Я принял на себя имя моего господина и в схватке с вами выказал ему свою преданность. А теперь отрежьте мою голову и представьте Камакурскому Правителю». Сказавши так, я взрежу себе живот и умру, а уж после этого никакая клевета не коснётся вашего имени» [5, с.159]. Приняв имя Ёсицунэ и умерев просто так, он бы навлёк на последнего наговоры,

будто тот приказал вассалу принять его имя, чтобы обмануть всех и сбежать, бросив последнего, но верный последователь Сиробёэ в последние моменты жизни раскрыл правду, тем самым оградив своего господина от клеветы.

Слово господина – закон для слуги, как бы они ни относились к рациональности принятого им решения: «И вот Ёсицунэ решил посетить храм Хэйсэндзи, прославленный в тех краях. Все находили это решение опрометчивым, но слово господина есть закон, и в тот же день они вступили в обитель Каннон» [4, с.246]. Может быть, подчинённые Ёсицунэ и были против его решения или выказывали недоверие этому действию, однако клятва - есть клятва.

Правда, есть пример того, как, из опасений за безопасность господина, игнорируются его прямые приказы: «– Так дело не делают! – произнёс он. – Это робость твоя дала Тосабо извернуться! Таким ли недотёпам служить мне с оружием в руках? Убирайся отсюда прочь и впредь не попадайся мне на глаза! Опозоренный Гэндзо собрался было домой, но тут же подумал: трусостью будет, выслушав такое, удалиться в далёкий свой дом. И он остался поблизости» [4, с.119]. Хоть тот и не пожелал больше видеть своего подчинённого, последний всё равно остался при нём, чтобы в случае чего защитить его.

Иногда проявлять стойкость слуге приходилось в условиях, когда не все слуги оказались верны господину: «Передайте господину, что ничтожный Ясадзо будет стоять здесь и отбиваться стрелами. Хоть я и простой слуга, но в Горы, ведущие к смерти, я уйду вместе с ним, ибо так повелел мне покойный Хидэхира» [4, с.277]. Хидэхира умер и приказал Ясадзо служить Ёсицунэ. В последнем бою все слуги уже разбежались, остался лишь Ясадзо, который, зная, что он умрёт, всё равно остался стоять насмерть.

В другом эпизоде мы можем видеть совершенно противоположное отношение самураев к чести и приказам господина: «– Что полагаете делать дальше? Судья Ёсицунэ, конечно, любит Сидзуку, да ныне самому ему голову

преклонить негде, некуда ему идти, и ждёт его гибель. Вот и мы тоже: спустимся с горы, потащимся с этой беженкой, а беды нам не миновать. Тут же, смотрите, до подножия недалеко, и, ежели мы её бросим, она и без нас как-нибудь доберётся. Самое время сейчас нам бежать и спастись.

Если уж так говорили самураи, которым надлежало бы знать, что такое честь, и не забывать о долге, то уж простым слугам и подавно пристало отозваться на это словами:

– Как вы решите, так мы и сделаем» [4, с.149].

Мы можем видеть совершенно противоположное отношение самураев к чести и приказам господина, потому что они нарушили приказ своего господина сопроводить его любимую в столицу и просто бросили её. Вдобавок ко всему они ещё и украли все драгоценности, которые Ёсицунэ подарил своей женщине, они предпочли просто не “возиться” с ней.

Обращаясь вновь к будосёсинсю, мы можем увидеть, что: «Самурай, исполненный такого чувства, поступая на службу к господину, глубоко понимает Путь верности и проявит его не только тогда, когда его господин процветает, но и когда тот в беде, и не покинет его, даже когда из ста всадников у него останется десять, а из десяти — один, но будет защищать его до конца, считая свою жизнь ничем в сравнении с воинской верностью. И хотя слова «родитель» и «господин», «сыновняя почтительность» и «верность» различны, смысл их одинаков» [1, с.16].

Из представленных выше отрывков мы можем увидеть, что в «Сказании о Ёсицунэ» самураи чаще всего стояли за своего господина до самого конца, отдавая за него жизни и не роняя свою честь. Однако, в одном из эпизодов мы можем увидеть нарушение долга, произошедшего из-за трусости и жадности наживы, что показывает нам, что не всегда подчинённые следовали принципам.

3.3.2. Отношение к семье

Тот, кто научен сыновней почтительности, обретёт истинную верность долгу и своему господину. С поступлением на службу, родителем самураю становится его господин, однако воин никогда не должен забывать о тех, кто даровал ему жизнь. В «Сказании о Ёсицунэ» мы видим отношение главного героя к своему отцу, а также его отношения с братом, с которым они прошли многие испытания с целью мести за своего отца.

Ёсицунэ обращается к духу почившего отца: «Ну а если Тайра всё-таки останутся процветать в столице и сил Минамото окажется мало, то что ж! Жизнь свою я почтительно преподнесу родителю моему Ёситомо, имя своё я оставлю будущим векам, и пусть мой труп выставляют на обозрение перед дворцом государя, – жалеть мне уже будет не о чем» [4, с.35]. Главный герой готов положить всё ради того, чтобы отомстить за своего отца, зная о том, что он может и не вернуться живым.

Ёсицунэ переживает за обиженные души своих предков: «Но вдруг судьба обернулась счастьем, и меня послали в столицу походом на Тайра. Первым делом я покарал Кисо Ёсинаку, а затем, чтобы повергнуть в прах дом Тайра, мне приходилось гнать коня через скалистые горы, уходящие вершинами в небо, я шёл на верную гибель, чтобы разгромить врага, я бросал вызов бурям, бушующим на безбрежном море, и был готов бестрепетно пойти ко дну, чтобы труп мой стал добычей акул. Доспехи и шлем были моей постелью, война была единственным помыслом, и всё для того, чтобы успокоить терзаемые обидой души предков моих и исполнить заветную мечту всей жизни, а иного дела для меня не было» [4, с.111]. В данном отрывке мы можем видеть отношение Ёсицунэ к своей клятве мести за отца. Он был готов преодолеть все невзгоды и лишения, лишь бы выполнить поставленную перед ним задачу. Ради неё он уже и так многим пожертвовал, и был готов пожертвовать ещё больше, не исключая своей жизни.

Ёсицунэ присягает на верность своему старшему брату, который после смерти их отца становится главой семьи: «Едва узнав о вашем мятеже, я бросил всё и, в чём был, поскакал к вам. Теперь, когда я вас вижу, мне чудится, будто передо мной покойный отец наш. Жизнь свою я посвятил отцу, а себя самого предаю отныне вам и потому готов вам повиноваться и из воли вашей не выйду» [4, с.107]. Два брата, объединившись, поклялись отомстить за отца, а если мятеж окончится неудачей, отдать жизнь за эту клятву.

Самурай должен совершать положенные обряды в кругу семьи: “– Вот явлюсь я в таком виде в край Осю, и Хидэхира спросит, как меня зовут. Мне придётся ответить: «”Сяна-о”. Но ведь это не имя для мужчины, над которым совершён обряд, и Хидэхира, чтобы переменить его, непременно предложит мне совершить обряд полностью. А ведь Хидэхира происходит от наших наследственных вассалов, так что это может вызвать нарекания. Поэтому полный обряд надо мною будет совершён здесь, перед великим и пресветлым божеством Ацута, а также перед матушкой братьев моих хёэ-но скэ Ёритомо и Каба-но Нориёри. Так я решил» [4, с.47]. Даже в условиях, когда ему нужна помощь от сильных мира сего, каковым и является Хидэхира, он отказывается принимать обряд гэмпуку от них, потому что обряд должен проводить кто-то из родственников. Помимо всего прочего, Хидэхира всё-таки происходит из рода вассалов Ёсицунэ, поэтому тот не мог принять факт того, что его названным отцом станет человек, который стоит ниже Ёсицунэ по социальной лестнице.

Самурай пытается оправдаться перед господином за свои деяния в свой смертный час: «Я навлек на себя вашу немилость, – задыхаясь, отозвался Гэндзо, – но вот пришёл мой конец. Даруйте мне прощение, дабы ушёл я в мир тьмы со спокойной душой» [4, с.126]. Гэндзо пожелал получить прощение от Ёсицунэ, чтобы умереть со спокойной душой. В данном отрывке мы можем видеть также и отношение к родителям, потому что здесь же Гэндзо просит у Ёсицунэ: «Ничего иного не могу я желать, как умереть на коленях у господина и повелителя. Но когда прошедшей весной родительница моя отбывала из столицы в Синано, она мне наказывала: «Непременно отпросись и зимой меня навести».

И я ей обещал. И ежели теперь какой-нибудь простолюдин представит ей на обозрение мои бранные останки, она впадёт в отчаяние, и это ляжет на меня непрощаемой виной. Хотелось бы мне, чтобы господин мой и повелитель, пока он пребывает в столице, время от времени удостаивал её словами утешения» [5, с.127]. Последними мыслями умирающего были мысли о матери, потому что тот не сможет выполнить данное ей обещание. Дети должны заботиться о своих родителях в старости, чего, к сожалению для Гэндзо, он теперь не сможет сделать. Дабы получить покой в потустороннем мире, тот просит своего господина выполнить это обещание за него и только после получения удовлетворительного ответа на свою просьбу покидает этот мир.

В некоторых случаях необходимость заботы о родителях приходила в противоречие с материнским долгом по отношению к своим детям: «Вдруг пришло известие, что матушка её Сэкия, проживавшая в столице на улице Ямамомо, схвачена людьми из Рокухары и подвергается жестоким допросам. Узнав об этом, Токива впала в отчаяние. Ведь если спасти матушку, то надо отдать под нож троих сыновей. А если спасти сыновей, то погибнет престарелая родительница. Она извелась, рыдая о матери и мучась думой о детях, и не знала, на что решиться. Даже ради матери можно ли выдать на смерть родное дитя? Но ведь сама богиня земной тверди Кэнро благоволит к тем, кто чтит родителей превыше всего, так не послужит ли это во благо и сыновьям? Уповая на это, взяла она троих детей своих и с горьким плачем пустилась в столицу» [4, с.35]. В этом эпизоде мы можем увидеть, что жизнь матери оказалась Токиве гораздо более важной, чем жизнь её детей, что по факту является выполнением основной конфуцианской добродетели, а именно, почтительного отношения к родителям.

Есть выразительные примеры обратного характера – заботы родителя о своём ребёнке, правда, в ситуации, когда нет необходимости делать выбор, подобный описанному выше: «Я бы с радостью пошёл под вашу руку, – ответил Кикиути, – да вот беда: сына моего взяли на службу в Восточных землях, а разве это дело, чтобы родитель и сын состояли во враждующих лагерях?» [4, с.132].

Кикути был приглашён Ёсицунэ в сподвижники, но отказался, даже зная, что его ждёт смерть. Связано это с тем, что его сын находился на службе в регионе, верном сёгуну. Как только до тех земель дошла бы весть о том, что Кикути переметнулся на другую сторону, его сына бы казнили. Отец решил пожертвовать собственной жизнью, чтобы не навредить сыну.

О сыновней почтительности уже упоминалось ранее, можно лишь напомнить выдержку из будосёсинсю: «Тот, кто является самураем, должен вести себя в строгом соответствии с долгом сыновней почтительности» [1, с.15]. В представленных выше отрывках мы можем увидеть, что отношение самураев к своей семье соотносится с принципами Бусидо. Может показаться, что отношение братьев не совсем вписывается сюда, так как они стали врагами, чего, как кажется, не должно быть, однако будосёсинсю даёт на это следующие строки: «К племянникам и младшим братьям, а также к своим собственным детям, если они отправлены в другую семью, нужно относиться соответственно. Встречаешься ли с ними лично или обмениваешься словами на семейных советах, приветствия и обращения должны быть сдержанными и отчужденными, как отношения к чужим домам и семьям, и отличными от обращений к близким» [1, с.36]. Из этого мы можем увидеть, что отношения между братьями регулируются по правилам, как отношения между людьми, относящимися к разным семьям, поэтому конфликт между ними в принципе закономерен, так как Камакурский правитель видел в Ёсицунэ угрозу своему правлению.

Исходя из показанных примеров, а также из примеров, описанных ранее в работе, мы можем сделать вывод, что поведение самураев в «Сказании о Ёсицунэ» практически всегда соотносится с тем поведением, которое закладывает в них Бусидо. Однако иногда самураями могут двигать корыстные мотивы, а также желание личной наживы, что может сбить их с верного пути, однако об опасности такого отношения к своему долгу нам говорит то же самое будосёсинсю: «Безразличный к указаниям господина и предпочтениям родителей, он склонен к бессмысленным блужданиям там, где их не должно

быть, он делает то, что не следует делать и во всем ставит на первое место и желания» [1, с.27]. Помимо этого, самурай может нарушать те правила, которые заложены в бусидо из-за жажды воинской славы, из-за страха и корысти. Это то, что сбивает самурая с пути верности своему господину.

Заключение

Самурайство - воинское сословие средневековой Японии - возникает в позднехэйанскую эпоху (XI-XII вв.) в связи со стремлением крупных землевладельцев защитить свои земли от воинственных аборигенных племён, которые своими постоянными набегами угрожали безопасности не столько государству в целом, сколько их личным владениям.

Самураи смогли прийти к власти в конце XII в. и заменить собой ту систему управления, которая была в эпоху поздней Хэйан. Расцветом самурайского сословия является период существования в Японии Камакурского сёгуната – период, начиная с которого самурайство будет занимать высшие посты в государстве и иметь огромное влияние в обществе.

Основу самурайского мировоззрения составляет синтез различных мировоззренческих установок трёх основных религиозно-философских систем, которые в гармоничном сосуществовании дали уникальный результат, сформировавший набор моральных установок воинского сословия Японии. От традиционной японской религии, синтоизма, самурайскому сословию перешло религиозное отношение к природе и окружающему миру, в особенности к оружию. Также от синтоизма самураям достался и главный бог-защитник - Хатиман, особенно почитаемый именно в воинской среде. От буддизма самураи получили отношение к жизни, как к чему-то скоротечному, вследствие чего нужно постоянно готовиться к смерти. От конфуцианства самурайству достались главные столпы их идеологии - сыновняя почтительность и безоговорочная преданность в служении своему господину.

Идеология самурайского сословия нашла своё отражение в произведениях литературного жанра гунки - воинских повестях. Ранние образцы жанра имеют характерные черты эпоса, что отличает их от более поздних образчиков, которые приближаются к роману. Одним из главных отличий являются более тонко проработанные характеры героев у поздних произведений и большая направленность на историю конкретных героев, а не на

противостояние политических сил. В этих повестях обрабатывались истории, относящиеся к более раннему времени (рубеж XII-XIII вв.), а составлялись они не самими самураями, вследствие чего многие аспекты самурайского бытования могли быть выдуманы или преувеличены. Наиболее яркими образцами поздних повестей были “Повесть о братьях Сога” и “Сказание о Ёсицунэ”.

В повестях показан образ жизни самураев. В свободное от военного промысла время они занимались такими видами времяпровождения: охота, стихосочинительство, игра на музыкальных инструментах, воинские тренировки и посещение увеселительных мероприятий, таких как музыкальные концерты и танцевальные праздники. Ни в одном из текстов самураи не показаны занимающимися земледелием, что является реальным отражением деятельности воинского сословия, так как в первую очередь их образ жизни был ориентирован на военное служение, поэтому их идеология была ориентирована на эту самую цель.

Важнейшими для самураев были такие мировоззренческие категории, как долг, честь, месть, причём для главных героев “Повести о братьях Сога” они, по сути, сливались в одних действиях. Важность защиты самураем чести, чтобы «не потерять лицо», несомненна, однако есть эпизоды, в которых самураи бежали с поля боя, забыв и про честь, и про правила ведения боя.

Необходимость для самурая хранить верность господину постоянно подчёркивалась, но из произведений мы можем видеть, что самураи иногда шли против приказов своего господина, одержимые жадой личной славы, материальной корыстью и банальной трусостью.

Необходимость следования сыновнему долгу также постоянно подчёркивалась, но при этом были ситуации отступления от этой конфуцианской добродетели, в частности, когда она приходила в противоречие с необходимостью слушаться господина.

Таким образом, в обеих повестях мы можем увидеть как примеры проявления нормативного поведения у самураев, так и отклонения от него. На

основе этих, а также других произведений японской литературы, в более поздние времена, а именно, в эпоху правления сёгуната Токугава происходит канонизация нормативного поведения в рамках бусидо, а поведение, которое противоречит этим морально-этическим установкам, было объявлено недостойным для самурая.

Список использованной литературы и источников

Источники:

1. Дайдодзи Ю. Будосёсинсю // Бусидо / Пер. с японского яз. Р.В. Котенко, А.А. Мищенко, А.А. Петрова. — М.: Издательство АСТ, 2022. — С.5 - 78.
2. Повесть о братьях Сога [Текст]: Сога-моногатари / пер. с яп. Вячеслава Онищенко; [науч. ред. М. В. Торопыгина]. - СПб: Гиперион, 2016. - 367 с.
3. Повесть о доме Тайра: Эпос. (XIII в.). /пер. со старояп. И. Львовой; Предисл. И коммент. И.Львовой; Стихи и пер. А.Долина - М.: Художественная литература, 1982. – 703.
4. Сказание о Есицунэ: [Роман] / В пер. Аркадия Стругацкого. - СПб. : Евразия, 2000. - 317 с.
5. Суждения и беседы Конфуция // Дао дэ цзин ; Суждения и беседы Конфуция. Чжуанцзы / Пер. с кит. Я. Хин-Шуна, П.Попова, В.Малявина. - СПб.: Азбука-Аттикус, 2023. - С. 105-250
6. Цунэтомо Я. Хагакурэ // Бусидо / Пер. с японского яз. Р.В. Котенко, А.А. Мищенко, А.А. Петрова. — М.: Издательство АСТ, 2022. — С. 79 - 255.

Литература:

7. Багаева О. В. Синто-буддийский синкретизм // Известия Восточного института Дальневосточного государственного университета. 2004, №8. С. 35 - 47
8. Басов А.Р. Общество самураев. Самурай и его семья / А.Р. Басов. – М.: Астрель, 2008. – 147 с.: ил.
9. Брайант Э. Самурай / Э. Брайант; [пер. с англ. В. Г. Яковлева]; худож. А. Макбрайд. - Москва : АСТ : Астрель, 2005. – 71 с.
10. Брайнт Э. Самурай. Элитные войска / Э. Брайнт. – М.: Астрель, 2005. – 72 с.: ил.
11. Бухаев Ю. Г. Амидаизм в традиционной японской культуре: (Историко-этнографическое исследование). Дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. — М., 1991.

12. Васильев, Л.С. История религий Востока : [Учеб. пособие] / Л.С. Васильев. - 5. изд. - Москва : Университет, 2000. - 425 с.
13. Главева, Д. Г. 2001. Самосовершенствование и свободная воля в учении и практике дзэн-буддизма (на примере трактата Хакуина «Оратэга-ма»). // Алпатов, В. М. (отв. ред.), История и культура Японии. - М.: Крафт+, 2002. - С. 178-203.
14. Главева Д.Г. Традиционная японская культура: специфика мировосприятия. Ин-т Дальнего Востока РАН. - Москва: Вост. лит., 2003. - 264 с.
15. Горегляд В. Н. Буддизм и японская культура VII–XII вв. // Буддизм, государство и общество в странах Центральной и Восточной Азии в средние века. - М.: Наука, 1982. – С. 122-205.
16. Горегляд В.Н. Дневники и эссе в японской литературе X - XIII вв. / Горегляд В.Н. - М.: Наука, 1975. – 383 с.
17. Горегляд В.Н. Классическая культура Японии. Очерки духовной жизни / Горегляд В.Н. - СПб.: Издательство «Петербургское Востоковедение», 2006. — 352 с.
18. Горегляд В.Н. Японская литература VIII - XVI вв. / Горегляд В.Н. - СПб.: Издательство «Петербургское Востоковедение», 2001. — 400 с.
19. Дейноров, Э. История Японии / Эльдар Дейноров. – М.: Изд-во АСТ, 2008. - 767 с.
20. Дзэн-Буддизм. – Бишкек: МП «Одиссей», 1993. – 672 с.
21. Дулина, А. М. Хатиман — милосердный бодхисаттва или грозный бог войны? // История и культура традиционной Японии. Т. 6. - М.: РГГУ, 2013 (Orientalia et Classica: Труды Института восточных культур и античности РГГУ. Выпуск LI). -С.133-142.
22. Жуков А.Е. История Японии с древнейших времён до 1868 года. В 2-х т. Т.1 / А.Е. Жуков. — М.: Институт востоковедения РАН, 1998. — 659 с.: ил.

23. Кабанов А. М. Амидаистская практика нянь-фо в чань-буддизме // Общество и государство в Китае. XVII научная конференция. Ч. 1. — М.: Наука, 1986. — С. 156–161.
24. Карамазов В. Д. Всеобщая история религий мира / В. Д. Карамазов – М.: Астрель; СПб.: Полигон, 2011. – 704 с : ил.
25. Кинг, У.Л. Дзэн и путь меча. Опыт постижения психологии самурая / Уинстон Л. Кинг; [Пер. на рус.: Котенко Р. В.]. - СПб.: Евразия, 1999. - 319 с.
26. Ковалевская А.И. Элементы эпического сюжета в «Сказании о Ёсицунэ» // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». - 2018. - № 9 (42). - С. 9-21.
27. Кожевников, В.В. Очерки древней истории Японии / В.В. Кожевников. – Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, 1998. – 204 с.: ил.
28. Козачина, А. В. Национальная модель интерпретации концепта ЖИЗНЬ в японском педагогическом дискурсе (на материале «Курса морального воспитания») / А. В. Козачина // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2018б. – №2. – С. 24–32.
29. Конрад, Н. И. Избранные труды [Текст]: История / Ред. коллегия: М. Б. Храпченко (отв. ред.) [и др.]; АН СССР. Отд-ние литературы и языка. – М.: Наука, 1974. - 469 с.
30. Конрад, Н.И. Очерк истории культуры средневековой Японии / Н.И. Конрад. - М.: Искусство, 1980. – 143 с.: ил.
31. Конрад Н.И. Японская литература от «Кодзики» до Токутоми / Конрад Н.И. - М.: Наука, 1974. – 568 с.
32. Лепехова Е.С. Ведомство по делам Буддизма "сого" и его функции во взаимоотношениях между буддийской сангхой и императорским двором в Японии (VII-VIII века). Вестник Новосибирского Государственного Университета. Серия: История, Филология, Т. 13, № 4, 2014. С. 159 – 165.

33. Мендрин, В. М. История сёгуната в Японии: Нихон гайси: Пер. с яп. с примеч. и коммент.: [В 2 т.] / В. М. Мендрин. – М.: Рос. гос. б-ка; СПб.: Лет. сад, 1999. - Т. 1. – 478 с.
34. Мещеряков, А. Н., Грачев, М. В. История древней Японии / А. Н. Мещеряков, М. В. Грачев. – М.: Наталис, 2010. – 544 с.
35. Мещеряков А.Н. Древняя Япония: буддизм и синтоизм: проблемы синкретизма / А. Н. Мещеряков; Ин-т востоковедения АН СССР. - Москва: Наука, 1987. – 189 с.
36. Мицуо Курэ. Самураи / Мицуо Курэ; пер. с английского У. Сапциной. - М.: АСТ, Астрель, 2007. – 191 с.
37. Мякочина М. С. Влияние конфуцианства на культурную и политическую жизнь Японии // Научные труды Московского гуманитарного университета. – 2017. – №. 3. – С. 108-112.
38. Нитобэ, И. Бусидо — душа Японии. — М.: София, 2004. — 207 с.
39. Нукария К. Религия самураев. Исследование дзэн-буддийской философии и практики в Китае и Японии. — СПб.: Наука, 2003. — 245 с.
40. Пасков С.С. Япония в раннее Средневековье: VII – XII вв. Исторические очерки. / Пасков С.С. - М.: Книжный дом “Либроком”, 2011. – 208 с.
41. Полхов С. А. К вопросу о структуре власти сэнгоку даймё (по материалам законов Имагава) // История и культура традиционной Японии. Т. 2. - М.: РГГУ, 2011 (Orientalia et Classica: Труды Института восточных культур и античности РГГУ. Выпуск XXIX). -С.131-216.
42. Порублёв Н.В. Культы и мировые религии. - М.: Благовестник, 1994. -335с.
43. Радуль-Затуловский Я.Б. Конфуцианство и его распространение в Японии / Я.Б. Радуль-Затуловский. – М.: Либроком, 2011. – 456 с.
44. Ратти, О. Самураи: История, традиции, воинское искусство / Оскар Ратти, Адель Уэстбрук; [Пер. с англ. Д. Воронина]. – М.: Эксмо, 2003. - 635 с.
45. Сато Х. Самураи: история и легенды [Текст] / Хироаки Сато. - Санкт-Петербург: Евразия, 1999. - 415 с.

46. Сахарова А. В. Традиции синто, буддизма и даосизма в религиозном течении сюгэндо на примере обрядов паломничества Ёсино-Кумано // История и культура традиционной Японии. Т. 5. -СПб.: Гиперион, 2012. - С. 420-429.
47. Светлов, Г.Е. Путь богов: Синто в истории Японии / Г.Е. Светлов. - М.: Мысль, 1985. – 240 с.
48. Севрюк, К. О. Роль «Законоположения семнадцати статей» в закреплении принципа гармонии в японской культуре / К. О. Севрюк // Вестн. Бел. гос. ун-та культуры и искусств. — 2021. — № 4. — С. 34—39.
49. Смирнова И.С. Япония в эпоху Хэйан (794-1185) / Смирнова И.С. - М.: РГГУ, 2009. – 423 с.
50. Спеваковский, А.Б. Самураи – военное сословие Японии / А.Б. Спеваковский. - М.: Наука, Главная редакция Восточной литературы, 1981. –168 с.: ил.
51. Спеваковский А.Б. Религия синто и войны / Спеваковский А.Б. - Л.: Лениздат, 1987. – 112 с.
52. Тернбулл С. Самураи. Военная история / Перевод с английского А.Б.Никитина.– Спб.: Евразия, 1999. – 432 с.
53. Теймс Р. Япония: история страны / Теймс Ричард; пер. с английского Е. Васильевой. - М.: Эксмо, 2009. – 416 с.
54. Токарев, С.А. Религия в истории народов мира / С. А. Токарев. - 4-е изд., испр. и доп. - Москва : Политиздат, 1986. - 575 с.
55. Шпаковский В.О. Самураи. Первая полная энциклопедия / В.О. Шпаковский — «Яуза», 2016. — 636 с.
56. Эйдзиро, Х. Социальная история Японии [Текст] / Предисловие: Олег Плетнер ; Пер. с японск. яз. Н. Фельдман ; Под ред. Н. И. Конрад и О. В. Плетнер. - Москва : стеклогр. "Красн. студ-во", 1927. - 140 с.
57. Эйдус, Х.Т. История Японии с древнейших времен до наших дней. Краткий очерк / Х.Т. Эйдус. - М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1968. – 223 с.